

МАКСИМ ГАУСС

КАПИТАН

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Максим Гаусс

**Капитан. Часть 3.
Назад в СССР. Книга 15**

«Автор»

2026

Гаусс М.

Капитан. Часть 3. Назад в СССР. Книга 15 / М. Гаусс — «Автор»,
2026

Выполнение боевого задания оборвало мою жизнь. Долгая и насыщенная служба офицера спецназа, полная взлетов и падений закончена. Однако судьба распорядилась иначе и дала мне второй шанс. СССР, осень 1988 года. Советский Союз крепнет на мировой и политической арене. Максим Громов понимает, что последние события в Сирии говорят о том, что безопасного места для него и его семьи попросту нет. Он решает завязать со службой, но внезапно над страной нависает угроза терроризма. Человек, который за этим стоит, хорошо знаком Максиму...

© Гаусс М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Разговоры	5
Глава 2. Раз и навсегда!	11
Глава 3. Судьба - капризная штука!	17
Глава 4. Смена направления	24
Глава 5. Террор	30
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Максим Гаусс

Капитан. Часть 3. Назад в СССР. Книга 15

Глава 1. Разговоры

Час на подготовку пролетел как одно мгновение.

Я сидел в тени бронетранспортера, проверяя собранное снаряжение. Форму, обувь и амуницию привезли мои ребята. Дымовые шашки — две штуки, тяжелые, цилиндрические. Одну сигнальную. Затолкал все в жилет-разгрузку. Из оружия я брал с собой только пистолет «Макарова» в скрытой кобуре на поясице, под кителем. Глушителя к нему по-прежнему не было, но в ближнем бою он не особо-то и нужен. К тому же, скорее всего, у меня его заберут при обыске. И тем не менее у меня был один полный магазин плюс два запасных в кармане. На крайний случай.

Мне предстояло ехать на арендованном в Дейр-эз-Зоре пикапе, а остальные грузились на БТР-70. Женька Смирнов должен был развести их по точкам — он единственный принимал участие не как стрелок, а как водитель. С транспортом у нас было проблематично, поэтому выкручивались, как могли.

Ввиду того, что близился закат, мы решили действовать сразу, не тянуть до следующего дня. Бронетранспортер — машина большая и заметная, ее за два километра разглядеть в бинокль не так уж и сложно. Именно поэтому мы выбрали маршрут так, чтобы машина не приближалась к городской черте ближе, чем на шесть-семь километров. Снайперам предстояло пробежать расстояние до точек позиций быстро и незаметно. Учитывая подходящее время суток, особенно ввиду миражей или пылевых завихрений, это было вполне осуществимо. Я дал им время выдвинуться первыми, связь держали по рации.

Отсюда до Абу-Танф расстояние около сорока километров — чуть ли не сплошная равнина с небольшим количеством холмов. Я повторно изучил все сделанные Ту-143 снимки — по пути до цели не было ни одного вражеского наблюдательного пункта. Впрочем, это еще ни о чем не говорило.

Шут подошел, присел рядом на корточках. Молчал, крутил в пальцах патрон к СВД.

— Гром, — наконец сказал он, не глядя на меня. — Ты уверен, что хочешь идти один? Мы можем попробовать подтянуться ближе. Есть «Винторезы», с ними можно работать с двухсот метров почти бесшумно. Зачистить подступы, а потом помочь тебе додаться Вильямса...

— Нет, Паш, — негромко перебил я. — Вас заметят раньше, чем от этого будет польза. Если увидят хоть намек, что я нарушил правила и явился не один, то всё. Лену убьют сразу. Без лишних разговоров. Вильямс — опасный человек, он не из тех, кто блефует в таких вещах. Я его брата убил, он мне этого не простит никогда. Ему нужен ритуал. Личная встреча. Сначала он попробует сломать меня морально, а как наиграется, то закончит дело, сядет на вертушку и свалит обратно в свою Америку.

— Вот чтобы он не успел сломать... ты его сразу...

— Паша, я не знаю, где Лена. Я не сказал тебе, но она еще и беременная. Понимаешь, насколько это все усложняет?

— Да твою мать... для них что, совсем ничего святого нет?!

— Наивный ты, Паша. Они твердо хотели Союз развалить, а сколько и кого там погибнет, никто не задумывался. Им все равно. Именно такие люди, как Вильямс, нагло вмешиваются в дела других стран и ломают их. Убирают всех, кто мешает. Расшатывают обстановку, устраивают бунты. Ладно... в подвале, в бункере — на снимках ее нигде нет, но это и понятно. Чего

держат ее снаружи? Мне нужно, чтобы он сам её вывел. Или чтобы я нашёл её там, внутри, когда начнется шум. Ее безопасность – для меня все!

Корнеев кивнул. Помолчал. Потом поднял на меня глаза — в них не было прежней озорной искры. Только холодная, сосредоточенная решимость.

— Мы не подведём, командир. Ты только сам ошибок не совершай, думай холодной головой. Вытащи её оттуда. А этих... — он мотнул головой в сторону снимков, разложенных на капоте, — мы уберем! Ни одна тварь, причастная к похищению, оттуда живой не уйдёт! Слово разведчика!

— Нет, Шут. Не надо всех, — я положил руку ему на плечо. — Только тех, кто встанет у меня на пути. Остальные пусть бегут. Их потом сирийцы додавят. А у нас другая задача.

— Принял, Гром! Ну что, финальный этап подготовки?

Я молча кивнул, посмотрев в сторону готовящейся группы.

Лейла деловито поправляла прицел на СВД, придирчиво осматривала глушитель. Док раздавал магазины, проверял укладку. Герц колдовал над рацией, настраивал частоты. Лось сидел чуть поодаль, молча осматривал лежащую на коленях винтовку. Движения у него были медленные, но точные — старая школа. Несуетливая.

Я подошёл к нему.

— Михаил Михайлович...

Он поднял голову. Лицо усталое, глаза красные — не спал нормально уже вторые сутки. Но взгляд твёрдый, без тени сомнения.

— Не уговаривай остаться, Максим, — сказал он хрипло. — Не выйдет.

— Я и не буду. Просто... — я запнулся. — Спасибо за понимание, за то, что не винишь.

Он усмехнулся невесело.

— В моё время, старлей, мы не винули друг друга. Мы делали дело. У тебя оно сейчас одно. У меня было другое. Но теперь цель общая. Верни мне дочку. И внука... или внучку, — он помолчал, потом добавил глухо: — Живыми верни!

— Верну. Обещаю.

Я взглянул на часы. Вздохнул.

— Время! Выдвигайтесь! — сказал я негромко, но меня услышали все.

Группа бесшумно погрузилась в БТР. Смирнов за руль — какими бы ни были здешние дороги, Женька – лучший водитель, какого можно найти. Герц загрузил радиостанции.

— Еще раз, занимаете позиции здесь, здесь и здесь, — я ткнул пальцем на карту. Там были отмечены приблизительные позиции окружавших Абу-Танф с севера, востока и запада.

— Дальность от восьмисот до тысячи трехсот метров! — добавил Шут. — Ветер определим на месте, сейчас он боковой, восточный, два-три метра, поправки нужно делать на месте. Работаем либо по моей команде, либо по началу стрельбы внутри объекта. До тех пор, пока Гром не начнет первым, мы только наблюдаем. Это ясно?

— Как поймём, что пора? — спросил Бизон.

— Увидите дым, — ответил я. — Я использую дымовые шашки. До этого — полная тишина. Ни одного выстрела. Себя не обнаруживать ни при каких условиях. Если кого-то из вас засекут раньше времени — всё провалено!

Прошло полчаса. Я выбрался из пикапа наружу — мне оставалось проехать не более шести километров. Очертания городка уже были видны далеко впереди.

В лицо ударил порыв сухого теплого ветра, несущего мелкую песчаную пыль. Хорошо. Пыль — союзник. Она скрадывает движение, размывает силуэты. А в лучах заката – особенно.

Подошел к радиостанции, что лежала на заднем сидении. Вызвал Герца, связь у меня была только с ним.

— Время «Ч» через десять минут, — ответил связист. — Все уже на позициях. Смирнов маскирует БТР.

— Хорошо. Ну, с богом, — сказал я. — Встретимся, когда дело будет сделано!

— Возвращайся, командир, — отозвался Герц. — Все будет хорошо! Мы рядом!

Я вернулся в машину, вновь завел двигатель и двинулся к цели. Меньше чем через пять минут я вновь остановился на расстоянии около пятисот метров. Выбрался наружу, зажег сигнальную шашку. Не заметить такой сигнал просто невозможно — это для американцев. Чтобы поняли: я прибыл на место.

Когда он догорел, я двинулся к городской черте.

Пустыня ночью — странное место. Она не мёртвая. Она дышит. Шумит ветер, гоняя песчаные массы или катая сухую траву по высушенной земле, изредка кричит какая-то местная птица.

До окраины Абу-Танфа оставалось метров триста, когда я увидел первый пост. Двое. Сидят в тени глинобитной стены, курят, огоньки сигарет то вспыхивают, то гаснут. Автоматы висят на плечах расслабленно. Охрана — не профессионалы. Местные ополченцы, наёмники. Те, кому плевать, кого сторожить, лишь бы платили. Исламисты — те еще ребята.

Помню, много раз брали в плен таких, так половина из них даже не может ответить, за что они сражаются.

Я вышел на открытое место, поднял руки, развёл их в стороны — дескать, безоружен. Один из охранников вскинул автомат, что-то крикнул по-арабски, резкое, гортанное.

— Русский, — сказал я негромко, чтобы не спровоцировать выстрел. — Громов. Меня ждут.

Второй схватился за рацию, затараторил в эфир. Минута ожидания — и из-за руин здания вышел человек. Явно не местный. Пятнистый камуфляж американского образца, короткая стрижка, на лице — наглая, уверенная усмешка.

— Старший лейтенант Громов, — произнёс он по-русски с сильным акцентом. — Меня зовут Аллен. Мы уж начали думать, вы трусили и не приедете. Полковник будет рад!

— Полковник может подождать, — ровно ответил я. — Сначала я хочу увидеть жену. Живую, невредимую. Иначе разговора не будет.

Я намеренно показывал свое недовольство — чтобы он воспринимал меня как человека, который на эмоциях. Я должен был вести так, как им нужно. Но только до поры, до времени.

Американец усмехнулся, но спорить не стал. Кивнул одному из охранников, тот развернулся и побежал внутрь городка. Минут через пять вернулся, доложил что-то.

— Ваша жена в здании, — сказал американец. — С ней всё в порядке. Пока. Полковник сказал проводить вас к нему, как только вы появитесь. Но сначала общем!

— Обыскивайте. У меня с собой только пистолет.

Лгать было бессмысленно. Пистолет под курткой они найдут сразу.

Но я рассчитывал на то, что Вильямс захочет видеть меня таким, каким я и должен быть. И при оружии. Это часть игры. Я должен быть «опасным зверем», которого он приручает. Вернее, ломает для того, чтобы насытиться собственной властью. Ведь он провернул такую операцию, выманил меня, заставил явиться сюда, в богом забытую арабскую пустыню. Дело почти завершено.

Так и вышло. Американец похлопал меня по бокам, нащупал «Макаров», хмыкнул. Вытащил, покрутил в руках. Спрятал себе за пояс.

— Вас же предупреждали, никакого оружия! Таковы правила!

— А как же личная безопасность?! По-вашему, я должен ехать через земли исламистов и боевиков безоружным?

Тот пожал плечами.

А я продолжать не стал. Главное, дымовые шашки, что оставались в разгрузке. Это не оружие, Аллен забирать их не стал.

— Всё, идём.

Мы двинулись по узкой, кривой улочке. Было тихо. Ни огонька, ни звука. Только наши шаги по утрамбованной земле и далёкий, едва слышный гул генератора на аэродроме. Стены домов были испещрены следами пуль. Кое-где зияли проломы от снарядов. Здесь воевали. Сложно сказать — когда. Но без сомнения, бои были жестокими.

Трёхэтажный особняк возник передо мной неожиданно — из-за поворота, сразу, во всей своей мрачной, уродливой красе. Обшарпанные стены, отколотые фрагменты, заколоченные окна первого этажа, мешки с песком у входа, пулемётное гнездо на крыше. Классическая крепость полевого командира.

У входа меня снова обыскали. Дымовые шашки не тронули. Внутри пахло пылью, потом и ещё чем-то кислым, неуловимым. Тусклый свет редких лампочек выхватывал из темноты бетонные перекрытия, грубо сколоченные двери, фигуры вооружённых людей в углах.

Я думал, что мне как минимум свяжут руки или наденут наручники, но нет. Самоуверенности этому Вильямсу явно не занимать.

— Сюда, — американец толкнул одну из дверей. — Полковник ждёт. И без глупостей.

Я не ответил. Молча переступил порог.

Кабинет был обставлен по-спартански. Стол, два стула, на стене — карта Сирии с отметками, наколотыми флажками. На столе полевая рация, пепельница, початая бутылка виски. В углу, на тумбе — допотопный, тяжелый телефонный аппарат, от которого тянулся толстый черный провод куда-то в коридор. Стойка с оружием, кассетный магнитофон. В воздухе витал запах кофе.

Полковник Вильямс сидел за столом, вполоборота ко мне. На столе лежал пистолет, пачка сигарет. Он смотрел в окно, за которым уже был глубокий закат. Он обернулся на звук открывшейся двери, но не сразу.

— Так вот вы какой, Громов! — мерзким, надменным голосом произнес он. — Понимаешь по-английски?

— Да. Где моя жена?

Он вздохнул, словно разочарованный дурными манерами гостя. Он был похож на младшего брата, выражение лица такое же. Взгляд холодный, отталкивающий. Очевидно, это та еще мразь, удивлюсь, если это не так.

— С ней всё в порядке! — сухо произнес он. — Ей комфортно, насколько это возможно. С ней обращаются хорошо, она не пострадала. Пока.

Он выделил последнее слово с особым вкусом.

— Что, мои слова тебе не понравились? Да, я жестокий, целеустремленный и амбициозный человек, но не воюю с женщинами и детьми. Тем более, с еще не родившимися. Мне нужен был ты, Громов. А женщина — лишь причина, которая заставила тебя явиться сюда! Иначе мы бы так и не встретились.

— Я здесь, как ты и хотел. Отпусти её.

— А зачем? — искренне удивился он, поднимаясь из-за стола. Подошёл ближе. Он был чуть ниже меня, но шире в плечах и держался так, словно нависал сверху. — Снаружи темнеет, куда она пойдет одна? Вокруг на десятки километров сплошная пустыня. Нет уж, пусть сидит здесь. Давай-ка поговорим о тебе... Мы ведь так долго шли к этой встрече, а Громов? Ты даже не представляешь, как долго. Мое присутствие там, где вокруг тебя свистели пули... Знаешь, а ведь именно я стоял за созданием лагеря Смерти в Пакистане, именно я четыре года назад склонил Калугина на путь государственной измены. Спутник, упавший в Иране — тоже моя инициатива. А мой брат...

Он запнулся, но лишь на мгновение.

— Джон был слишком импульсивен, не прав во многом. Он слишком увлёкся, переоценил свои силы. Я говорил ему, что после того, как русские его отпустили из плена, нужно было возвращаться домой. Но он не послушал. Его смерть — закономерный итог его собственных ошибок. Но как бы там ни было, а это не отменяет того факта, что его убил ты. Лично. Хладнокровно.

— Это была война, — безразлично ответил я.

— Да, — сухо кивнул Вильямс. — Война. И на войне, как известно, все средства хороши. Ты бросил вызов системе, Громов. Тогда, у берегов Франции. И, нужно признать, переиграл и меня, и моих подчинённых. Я не могу этого допустить. Ты слишком опасен.

— Я уже слышал это. От Джона.

— И правильно, — хмыкнул Вильямс, затем скрестил руки на груди. Упоминание имени Джона ему не понравилось, но он попытался не подавать виду. — Но дело не в опасности. Дело в принципе. Вы, советские люди, привыкли считать, что ваша идея — единственно верная. Что вы сражаетесь за правое дело. Что ваши жертвы оправданы. Но когда кто-то с той же уверенностью приходит и разрушает ваши планы, убивает ваших людей — это уже не война идеологий. Это личное. И я хочу, чтобы ты понял: ваша правда — не лучше моей. Просто вам сильно везло.

Надо же, какая деловая речь. А он точно ничего не перепутал? Не про своих ли соотечественников из Вашингтона он сейчас говорил?! Это у США привычка лезть везде, где их не просят, и строить из себя мировых благодетелей. Плести интриги, свергать правительства. Они живут по принципу: если у кого-то есть то, что им нужно, они приходят и коварно забирают, при этом разрушая все вокруг. Политически, экономически, а иногда и оружием.

Он снова сел на стул. Устало потёр переносицу.

— Ладно. Философия закончена. Перейдём к делу. Твоя женщина в подвале, в отдельной комнате. За ней наблюдает наш врач, ей обеспечили надлежащий уход. Только сразу скажу, не совершай необдуманных глупостей, снаружи этого кабинета десять прекрасно подготовленных бойцов, которые отреагируют именно так, как нужно.

Я посмотрел в сторону закрытой двери.

— Я не чудовище, Громов, я старый солдат. Мне нужна не её смерть. Мне нужно, чтобы ты признал: ваша система тебя использовала и предала. Причем не в первый раз. Что такие, как ты — это расходный материал, который с радостью отправляют на убой, а потом делают вид, что ничего не случилось! Я знаю про «Разин». Знаю, как тебя там подставили против воли. Знаю, что ваше начальство даже не извинилось. Так за что ты воюешь, Громов? За тех, кому плевать на ваши судьбы?

Честно говоря, такой подход меня удивил. Он что, все еще намерен перевербовать меня? А как же личная месть? Угрозы? Физические неудобства?

— Это не твое дело, — ответил я глухо. Внутри что-то шевельнулось, но я держал лицо. — Мои отношения с командованием тебя не касаются!

— Почему же? Очень даже касаются, — мягко возразил Вильямс. — Я предлагаю выбор. Вы с супругой можете уйти. Забрать ее, уехать и жить где угодно — в Европе, в Америке, в Австралии. Сменить имя, забыть прошлое. Взамен, ты исчезнешь навсегда. И я больше никогда о тебе не услышу.

— И тыверишь моему слову? — ухмыльнулся я, сам не заметив, как перескакиваю с то на «вы», то на «ты».

— Нет, — холодно усмехнулся Вильямс. — Но ты дашь мне слово. А я прослежу. Иначе твоя жена и будущий ребёнок... ну, ты понимаешь...

Пауза повисла в комнате, тяжёлая, как бетонная плита. Я хотел придушить эту тварь, которая то и дело делала акцент на то, что у него есть против меня серьезный козырь. Ну,

герой — прикрываться беременной женщиной и строить из себя коварного благодетеля. Этот Вильямс изощреннее, чем предыдущий...

— Где она? — спросил я в третий раз. — Я хочу её видеть.

Вильямс посмотрел на меня долгим, изучающим взглядом. Потом кивнул.

— Хорошо. В конце концов, ты пришел не для разговоров со мной, — он поднял трубку стоявшего на столе допотопного аппарата полевой связи, бросил короткую фразу на английском. — Её скоро приведут. Ждите. А пока...

Он поднялся со стула, взял пистолет и сунул в свою кобуру на поясе. Затем шагнул к столу, где стояла бутылка виски и два граненых стакана. Взял их, перенес на свой стол. Звякнуло стекло.

Видимо, он хотел разлить содержимое по стаканам, но я его остановил:

— Я не пью виски.

— У меня есть коньяк... — зачем-то произнес он. Затем отвернулся, а я резко и бесшумно устремился к нему. Схватил бутылку и со всего маху разбил ее о голову полковника. Брызги стекла, крови и алкоголя полетели во все стороны. Есть контакт!

В этот же момент дверь распахнулась и внутрь, спиной ко мне вошел Аллен, ведя за собой мою Лену. Пока он не видел, я успел сблизиться, значительно сократив расстояние. Рывком ухватил его за плечо, круто развернул. Тот округлил глаза от ужаса, рука метнулась за пистолетом. Коротким ударом, я сорвал его планы.

Дверь тем временем закрылась сама. Никто из охраны не сунулся в дверь. Не заметили, получается? Или они заняты чем-то другим?

Американец попытался вырваться и взять мою руку в захват, но я мгновенно разгадал его маневр. Выхватил припрятанный у себя в голенище ботинка небольшой нож и вонзил его точно под подбородок американца. Тот захрипел, схватился за горло и упал на колени. Не прошло и двадцати секунд, как он откинул копыта. С Алленом — все.

Затем я мягко схватил Лену за руку, легко отстранил ее в сторону, подальше от двери.

— Солнце, все хорошо? Спрячься за тот стол! — тихо, но с напором произнес я. — И прикрой лицо!

Она кивнула головой, держа руку на животе.

Не медля, я рванул с пояса дымовую шашку, выдернул чеку и швырнул в дальний угол комнаты, как раз у открытого окна. Шипение, клубы густого белого дыма заполнили пространство мгновенно и начали выходить наружу под действием сквозняка. Ну все, сейчас начнут работать снайпера... Часть дела сделана, теперь нужно как-то вырваться наружу!

Глава 2. Раз и навсегда!

Я торопливо выхватил из кобуры Аллена пистолет. Снял его с предохранителя и хотел уже было выстрелить в лежащего на полу Вильямса, но внезапно входная дверь резко распахнулась. На пороге стоял один из оперативников ЦРУ, в пятнистом камуфляже — я видел их мельком, когда меня вели к Вильямсу. Рука уже тянулась к кобуре, глаза яростно сканировали комнату, частично затянутую белым дымом.

Я не дал ему времени. Пистолет — итальянская «Беретта», уже был у меня в руке.

Выстрел. Второй. Оперативник дернулся, вскинул руки и рухнул назад, в коридор. Но за ним, в проеме, мелькнул второй. Я успел пригнуться, пули вспороли воздух над головой, вгрызлись в стену за моей спиной. Лена вскрикнула, но не побежала — застыла за столом, прижав руки к животу.

— Лена! — рявкнул я, быстро обернувшись к ней. — К окну! Живо!

Она, насколько могла, торопливо метнулась в указанном направлении. Постоянно контролируя пространство впереди себя, краем глаза я видел, как она подбежала к подоконнику, как замешкалась на мгновение, оценивая высоту. Открытое окно было весьма низкое — метр до земли, не больше. Для беременной женщины на четвертом месяце такие физические нагрузки — само собой неприятно, но вовсе не смертельно. Главное — убрать ее отсюда. Случайная пуля легко может стать фатальной.

Она перекинула ногу, потом вторую, сместилась и оказалась с другой стороны. Я знал, что там ее не достанут — сторона полностью простреливалась Шутом и Лейлой, а те наверняка уже сняли возможную угрозу, едва заметили мой дым.

В дверях показалась рука с короткоствольным автоматом. Я выстрелил туда, не целясь, просто чтобы заставить противника отпрянуть. Пуля выбила деревянную крошку. Потом еще раз — попал точно в запястье. Раздалась длинная, но хаотичная очередь — все пули ушли в пол и стену. Автомат исчез, кто-то закричал по-английски — громко, матерно.

Я бросил взгляд в угол, лежал Вильямс. Все уже затянуло дымом, тела не видно. А стрелять наугад, учитывая, что у меня строго ограничен боезапас. Но и оставлять в живых эту тварь нельзя — такой не остановится никогда. Его нужно пристрелить здесь, в Сирии. За дверью уже были слышны шаги — сейчас появятся еще противники, а у меня толком и укрытия-то нет.

Приняв решение, я молниеносно рванул к окну. На подоконник — ногой, оттолкнулся, вылетел наружу кубарем, перекатился по пыльной земле, вскочил на ноги. Узкая, но открытая площадка, три мертвых тела в пятнистых камуфляжах, двое боевиков, экипированных, как попало. Один раненый, которого я тут же добил.

Лена стояла, прижавшись к стене. Глаза огромные, испуганные, но в них уже загорался тот самый огонь — дочери военного, жены разведчика. Я уже видел ее такой — там, в Афганистане, в восемьдесят пятом, когда вместе выбирались из мясорубки. Тогда же мы выносили на носилках раненого полковника Бехтерева.

Она не плакала. Она понимала, что ее жизнь зависит от меня, от моих действий и от ее собственных ошибок.

— Сюда! — я схватил ее за руку и, контролируя пространство, прикрывая ее собой, потащил вдоль стены к соседнему зданию. Там как раз была открытая дверь.

А вокруг творилось что-то невообразимое. Снайперы работали четко, как часы. Мазали лишь изредка.

Конечно, расстояние в километр пуля, выпущенная из СВД, хотя и преодолевает за полторы-две секунды, это все равно много — цель может сместиться, спрятаться. Плюс препятствия, ветер и прочие нюансы. Стрелок целится в корпус, а попадает в руку — бывает и такое.

Плюс время суток: наступил рыжий полумрак — солнце почти зашло за горизонт.

Выстрелов слышно не было — мои ребята не зря прихватили глушители — подавляющее большинство боевиков просто не знали, что им делать и откуда прилетает невидимая смерть. Они пытались отстреливаться как попало и куда попало, а вот ЦРУшники быстро сообразили, что делать. И тем не менее, половину людей они уже потеряли.

А плохо обученные исламисты сами создавали хаос — они орали, палили в пустоту, беспорядочно прятались за углы зданий, сараи, каменную ограду. Один выскочил прямо передо мной — бородатый, смуглый, с калашниковым в руках.

Я выстрелил почти в упор. Он упал лицом в песок, даже не вскрикнув.

— Все в порядке, — крикнул я Лене. — Беги прямо, в подвал первым захожу я!

Мы перемахнули через невысокий каменный заборчик, оказавшись у входа в соседнее здание.

Одноэтажное, глинобитное и достаточно большое строение, с темными провалами окон и полуразрушенной крышей. Всем корпусом я с силой толкнул дверь — та с грохотом распахнулась, едва не слетев с петель. Внутри пахло пылью, мышами и еще чем-то древним, заброшенным.

Темно, тихо. Никто в меня не стрелял, никакого движения я не заметил. Электричества здесь не было, но на стене слева висел факел. Сорвав его, я вошел внутрь, Лена за мной. Уже через пару секунд я понял, что внутри пусто, а сам подвал был хорошо мне знаком. Это же то самое место, где я погиб в 2024 году! Черт возьми, вот всего в четырех метрах от входа — место, где я накрыл собой гранату.

Странное, ледяное чувство пробежало по спине. Ирония судьбы — так получилось, что я угодил в то самое место, где погиб в первый раз. Но сейчас ситуация хотя и похожая, но в корне другая. Сейчас этот подвал был убежищем. Убежищем для той, ради кого я полез в это пекло.

Снаружи было относительно тихо, стрельба гремела где-то левее.

Я присел перед Леной на корточки, взял за плечи.

— Солнце, слушай меня внимательно. . . Моя группа и твой отец здесь. Мы тебя вытащим, но не сразу. Здесь ты в безопасности. Никуда не выходи, что бы ни случилось. Поняла?

Помедлив, она кивнула, сглотнула.

— А ты?

— Я должен закончить дело! — я проверил магазин пистолета. Осталось семь патронов. Вокруг есть тела погибших, а они все были вооружены, так что с этим проблем нет. — Вот тебе пистолет, стрелять ты умеешь. Это на самый крайний случай, если вдруг сюда кто-то полезет. Бей не раздумывая. Если это буду я, то предупрежу тебя об этом. Хорошо?

— Максим. . .

Я поцеловал ее быстро, в губы. Рвано, жадно.

— Все хорошо, солнце. То, чего я больше всего боялся, случилось. Но я все исправлю, вот увидишь. Я вернусь. Обещаю.

И выскочил наружу, прикрыв за собой дверь. Прощаться или медлить в такой ситуации — лишнее.

У убитого мной ранее боевика был пистолет — «Макаров». Подхватил без раздумий — сойдет. А вот автомат я брать не стал, потому что он был очень старым, с болтающимся рожком. Это ненадежное оружие.

На улице стрельба еще не стихла. Снайперы практически сделали свое дело — трупы исламистов валялись вдоль всей улицы тут и там, я насчитал семь тел. Оставшиеся в живых боевики либо забились в щели, либо бежали, поджав хвост. Это несерьезные противники, а вот оперативники ЦРУ — профессионалы.

Они залегли за каменными стенами, за мешками с песком, и ждали. Сейчас они начнут предпринимать первые скоординированные действия, ведь фактор неожиданности уже разыгран.

Я осмотрелся, рванул вдоль стены, держась в тени. Выскочил на угол — и нос к носу столкнулся с еще одним бородатым. Тот заорал, вскидывая автомат, чтобы ударить меня прикладом. Я ушел вниз, подсечкой сбил его с ног, и уже лежа, всадил пулю под ребра. Хрип, судорога — все. Подхватил его калашников, но и этот оказался не лучше. Состояние оружия у боевиков было просто ужасным — наверняка это то самое отребье, что удалось набрать за американские деньги.

Помимо этого, у него на разгрузке висела оборонительная граната. Прихватил — пригодится.

Вдруг над нами прокатился крик. Голос был мерзкий, но я узнал его сразу.

— Громов! Тварь! Принесите мне его голову! Живо!

Конечно же, это был Вильямс. Пришел в себя, вот только вряд ли он правильно воспринял обстановку.

Я выругался. Вскочил, побежал дальше. Адреналин стучал в висках, но голова работала четко, холодно. Анализ обстановки, выбор пути, прогноз действий противника — все это фиксировалось буквально на ходу. Как и всегда.

Трассер откуда-то сбоку чиркнул по стене, осыпав меня крошкой глины. Я нырнул в проулок, перекатился, выскочил с другой стороны. Еще один исламист попытался меня достать — очередь из автомата вспорола воздух в метре от головы. Я ответил двумя выстрелами, попал — он опрокинулся назад, выронив оружие.

Справа оказался противник в пятнистом камуфляже, за ним боевик. По мне открыли огонь, но как раз тут-то и пригодилась граната. Ловко отпрыгнув за укрытие, я швырнул темно-зеленый ребристый сюрприз точно в проулок.

Три секунды. Оглушительно грохнуло.

Путь к взлетной полосе, где стоял вертолет, был практически открыт. Но я успел заметить — Вильямс, вместе с двумя телохранителями покинул трехэтажный особняк, рванув к аэродрому. Сволочь, решил сбежать?! Ну уж нет!

Черная тень стоявшего там «Блэк Хоук» уже начала вращать лопастями. Пилот, судя по всему, решил действовать на опережение.

Я рванул в соседний прямой проулок, ведущий к особняку. Сердце бешено колотилось, кровь кипела, но голова соображала трезво. Если он сядет в вертолет, то все. Уйдет. Сбежит. А потом жди очередного покушения, только в следующий раз уже не будет разговоров, будут только коварные и максимально жестокие действия. А этого я допустить не мог. Никак не мог. Нужно все решить здесь и сейчас, поставить жирную точку во всем этом дерьме. Ну и семейка, блин!

Влетел в проем, где раньше стояла охрана. Трупы, гильзы, кровь. Снайперы постарались. Никто не стрелял — мертвые, как известно, не стреляют. Шаги, топот, крики. Я взбежал вверх, поднявшись чуть выше.

Вильямс внезапно выскочил из-за угла метрах в двадцати от меня. В руке у него была граната.

— Сдохни уже! — рявкнул он на английском. Затем рванул чеку, швырнул ее в мою сторону

Я прыгнул назад, в стенную нишу. Взрыв грохнул так, что заложило уши. Глиняная стена здания с грохотом обвалились вниз, частично преградив путь и накрыв все облаком пыли.

Я выбрался из ниши, отряхнулся. Плечо саднило — зацепило осколком, но неглубоко, ерунда. Побежал дальше.

Он был уже на половине пути от вертолета. Телохранитель остался только один, следовал за ним. Вильямс бежал к готовому взлететь вертолету. Пилот явно нервничал, но еще ждал.

Я вскинул пистолет, прицелился. Выстрелил.

Пуля прошла мимо. Еще раз. Вильямс дернулся, схватился за плечо, но не упал. Кровь хлынула по руке, но он продолжил бег. Сопровождавший его ЦРУшник открыл по мне огонь из автомата — пули выбили фонтанчики пыли прямо передо мной. Я быстро вскинул руку, дважды выжал спуск. Попал! Расстояние-то всего-то метров двадцать пять, тридцать.

Американец, выронив автомат, упал на колени.

— Стоять! — яростно заорал я, но полковник уже был у самого вертолета. Буквально с ходу запрыгнул в открытую дверь салона вертушки.

Я тщательно прицелился, выжал спусковой крючок. И услышал характерный щелчок. Все, патроны закончились.

Вертолет начал подниматься в воздух, плавно уходя в сторону. По корпусу застучали пули — видимо, наши стрелки переключились на винтокрылую машину. Вильямс уже был внутри.

Я лихорадочно огляделся. В десяти метрах, на крыше одноэтажной пристройки, была обустроена огневая точка. Мешки с песком, пулемет на станке. Черт возьми, это же ДШК! Старый, запыленный, но на вид вполне рабочий. Рядом — цинк с патронами. Пули такого калибра превратят вертолет в решето, главное – успеть!

Я рывком рванул вперед. Подпрыгнул, ухватился руками за деревянную балку, влез на крышу пристройки. Подбежал к пулемету. Дернул затвор — патрон в стволе. Пристрелян или нет, не определишь. Но на такой дистанции это не так уж и важно... Я развернул станок, поймал в прицел вертолет и нажал на гашетку.

Отпустил, снова выжал. Бил короткими очередями, по четыре-пять патронов.

ДШК взревел, сотрясая все вокруг. Тяжелые пули ушли в небо, распарывая вечерний воздух. Первая очередь прошла мимо — вертолет резко вильнул в сторону. Я повернул ствол, поймал машину в прицел, нажал снова.

Попадание. Еще одно. В хвостовой винт, в кабину. «Хоук» дернулся, затрепыхался в воздухе. Я видел, как пули прошивали машину насквозь, летели искры. Машина задыхалась, начала терять высоту. Пилот пытался ее выровнять, но тщетно. Управлять ею было уже невозможно. Я дал еще одну очередь, которая стала фатальной — в районе винта показалось открытое пламя.

Уже через несколько секунд вертолет Вильямса врезался в стену трехэтажного особняка. Тяжелый удар, полетели обломки винтов. Строения скрыли от меня место падения. Несколько секунд и оттуда раздался гулкий взрыв.

Я выпрямился, затем спрыгнул с крыши. Подхватив МП-5 одного из ЦРУ-шников, я рванул в ту сторону. В голове только одна мысль — убедиться, что эта скотина подохла. Потому что если тот жив, спустя время все начнется по новой.

Обломки вертолета лежали грудой искореженного металла, было несколько очагов пламени. Я видел тело пилота через разбитое остекление. Но Вильямса в горящем и искореженном салоне не было.

Я обошел обломки по кругу, и в десяти метрах справа, в полумраке увидел полковника. Он лежал на земле, среди камней. Окровавленный, израненный, со сломанной ногой. Но еще живой. Такие твари крайне живучи, нужно постараться, чтобы додавить его окончательно. Глаза открыты, смотрят на меня с ненавистью.

— Тварь... — судорожно прохрипел он. — Все равно... тебя найдут.

Я подошел ближе. Почувствовал отвращение к нему.

Без раздумий поднял автомат.

Два выстрела в голову. Все кончено.

Я развернулся и короткими перебежками бросился обратно к подвалу, где оставил Лену. Времени у меня было мало — где-то в руинах затаились выжившие люди Вильямса, кто-то из них вполне мог быть рядом. И вдруг — выстрел! Резкая боль пронзила бедро. Я споткнулся, упал, перекатился за грудой камней. Пули зацокали рядом, высекая искры.

Осмотрел рану — ерунда, зацепило по касательной. Пуля прошла навывлет.

Из окна второго этажа особняка, метрах в тридцати от меня, бил автоматчик. Один из американцев. Я открыл беглый огонь, но уже через пару секунд МП-5 сухо шелкнул. Заклинило или патроны кончились, разбираться не стал. Не мое оружие, почти мне не знакомо.

И тут воздух разорвал рев двигателя. Грохот, хруст и треск. Клубы пыли, дым.

Из-за угла вылетел БТР-70, снося по пути сараи и легкие постройки. Многотонная машина вполне была на такое способна, учитывая, что и за рулем не абы кто, а Женька Смирнов. БТР, словно в замедленной съемке, резко затормозил, прикрыв меня бортом. Башня с пулеметом КПВТ калибра четырнадцать с половиной тяжело развернулась в сторону окна.

Секунда, другая. Оглушительная очередь. Короткая, плотная. Стена особняка взорвалась пылью и кирпичной крошкой. Окно исчезло, а вместе с ним деревянная рама и сам стрелок.

Люк распахнулся, и я увидел Михаила Михайловича с автоматом Калашникова в руках.

— Громов, ты как?! Живо сюда! — заорал Лось, спрыгивая на землю.

— Живой, — отозвался я, поднимаясь на ноги. — Лена... в том подвале, на углу...

Только сначала предупреди ее!

— Понял!

Он бегом рванул туда, а я заковылял к бронетранспортеру. Было тихо, никто больше не стрелял.

— Кажется, все, — крикнул Женька. Он умудрился исполнять обязанности не только механика-водителя, но и наводчика сразу. — Кто не сдох, тот сбежал! Шут с Лейлой держат под прицелом с одной стороны, Бизон и Герц поддерживают. Порядок.

Я кивнул, выглянул из-за борта. Боль в бедре пульсировала, но терпимо.

Минуты через полторы из подвала показалась Лена. За ней — Лось, поддерживающий ее под руку. Она увидела меня, рванулась, но я успел подхватить ее сам.

— Цела? — спросил я, глядя в лицо.

— Да... — выдохнула она. — А ты? Ты же ранен...

— Ерунда! — я обнял ее, прижал к себе. — Просто царапина.

Лось смотрел на нас, и в глазах его стояла смесь напряжения, облегчения и усталости. Он молча кивнул, указал нам на люк.

— Грузитесь, — крикнул Смирнов. — Надо сваливать отсюда, пока сюда подкрепление не нагрнуло. Мало ли кто может сюда подтянуться!

И верно. Мы залезли в бронетранспортер. Лена села рядом, прижалась ко мне, положив голову на плечо. Я чувствовал, как она дрожит — мелко, часто, но молча. Держится.

БТР тронулся, разворачиваясь. Сквозь еще открытый люк я видел, как удаляются постройки Абу-Танф. Дым над разбитым вертолетом, развалины, тела. Место, где я погиб в прошлой жизни. Место, где сделал серьезный шаг, чтобы в этой жизни стало спокойнее. Хоть немного.

— Сейчас остальных подберем! — крикнул Шут.

— Добро!

Несколько минут пролетели, словно вихрь.

Шут и Лейла уже ждали нас на выходе из города. Их силуэты с винтовками в руках — словно два призрака на фоне заката — возникли из ниоткуда, когда БТР замедлил ход. Они запрыгнули на броню, и Шут просунул голову в люк.

— Гром, там это... — начал он, но я перебил.

— Потом, Паш. Дай минуту.

Он кивнул, исчез.

Я взволнованно смотрел на Лену. Она чуть ли не засыпала. Обессиленная, измотанная. Ребенок в животе — я положил руку ей на живот, чувствуя слабое, едва уловимое шевеление. Живой. Вроде, все в порядке. Лена — девушка сильная, крепкая. Другая на ее месте уже нерв-

ный срыв получила бы, но не моя вторая половинка. Тогда я поклялся себе, что больше никогда, ничего подобного с ней не произойдет. Теперь я не позволю.

— Командир, — снова голос Шута из люка. — Пока ты был у американцев, на связь вышел Кэп! Он в курсе, что мы решаем проблему!

— И что?

— Ну... есть проблема!

Глава 3. Судьба - капризная штука!

— Конкретнее, в чем суть? — крикнул я, посмотрев на него внимательным взглядом.

— В общем... наверху уже в курсе, что произошло. Детали вряд ли знают, но итог известен.

У меня внутри всё похолодело. Быстро, однако, все раскрылось.

То, о чем я старался не думать, пока летел в Сирию, пока двигались к Абу-Танфу, пока продумывали операцию и пока пули свистели над головой, вдруг навалилось тяжким грузом. Самодетельность, причем исключительная. Без разрешения. На территории чужого государства, пусть и состоящего в дружеских отношениях с СССР. Да еще и привлечением госсобственности в виде подразделения беспилотной авиации и боевой группы спецназа ГРУ. Это даже не выговор — это трибунал, причем с печальными последствиями.

— Да твою мать! — тихо процедил я. — Так быстро?!

— Откуда? — пробормотал сидящий рядом Лось.

— А хрен его знает. Может, нас сирийцы еще в Дейр-эз-Зоре засекли, может, кто-то другой слил. Мы как-то о конспирации не задумывались, все шло самотеком. Сам подумай, кто мог быть в курсе того, что я покинул Союз? Ты военный пенсионер, по большому счету, никому уже не интересен. Мои парни тут точно ни при чем. Вдруг это тот начальник автоколонны, капитан Зухрейн, доложил по команде о нестандартном использовании «Рейса»? А дальше пошло по спирали? Если так, то там сейчас, наверное, весь Генштаб САР на ушах стоит. А утром, как взойдет солнце, они пошлют к Абу-Танфу кого-нибудь проверить, что это за погром там случился и почему там столько трупов.

Я анализировал на ходу, пытаюсь понять — кто же приложил к этому руку?

Скорее всего, информацию слили намеренно, чтобы выставить меня в плохом свете. Это мог сделать двойной агент или крот, что все еще сидит в Москве. И это идеальный ход, так сказать, на опережение. Но вряд ли тот, кто это затеял, мог быть в курсе, что Вильямс уже мертв. Еще, конечно, обо всем знали Кэп и Кикоть. Первому я доверял как самому себе, а вот Виктор Викторович — мутная лошадка. Вроде и друг, помог быстро добраться до Сирии, но в то же время с ним нужно держать ухо востро. Ладно, потом разберемся.

— А что конкретно Кэп сказал? — спросил я.

— У нас приказ, Гром. Немедленно выдвигаться в Дамаск. Всей группой. Там ждать дальнейших распоряжений. Нас, — Шут кивнул на отделение, где сидели ребята, — и тебя с Леной. А про Лося не было ни слова, но скорее всего, его тоже не забудут. В общем, всех, кто участвовал в операции. Сказал, что генерал Хорев уже пытается замять ситуацию, но пока ничего не ясно. Слишком громко вышло, Макс. Слишком жирно.

БТР-70, урча двигателем, уносил нас прочь от Абу-Танфа. В тесном десантном отделении пахло пороховой гарью, потом и железом. Лена, обессиленная, прижималась ко мне, и я чувствовал, как мелкая дрожь сотрясает ее тело. Ее рука лежала на моей ладони, поверх живота. Там, внутри, теплилась жизнь, ради которой я был готов перепахать всю эту пустыню.

Рваная рана на бедре пульсировала тупой болью, но я старался не обращать на нее внимания. Док, перебравшийся к нам откуда-то сверху, уже обрабатывал ее, ловко накладывая повязку, и я чувствовал привычное жжение антисептика.

— Терпи, командир, — буркнул он, затягивая бинт. — Просто глубокая царапина. До свадьбы заживет.

— Она уже была, — ответил я, глядя на Лену.

— Тогда до следующей, — усмехнулся Док, но глаза его оставались серьезными.

— Не надо нам никакой следующей! — отозвалась Лена.

— Это я пошутить пытался, но с юмором у меня, как всегда, не вышло, — попытался оправдаться медик. — Шут у нас по этому делу...

Я интуитивно посмотрел назад, сквозь броню, туда, где остался Абу-Танф. Плохое место. Как и сказала Лейла.

Всю дорогу до Дамаска я прокручивал в голове варианты. Лена спала, утомленная пережитым, положив голову мне на колени. Лось, сидевший напротив, молча вертел в руках пистолет. В глазах прапорщика застыла та самая холодная решимость человека, которому терять уже нечего. Мои парни — Шут, Док, Герц, Бизон, Крот и Лейла, которая ехала с нами до сирийской столицы — тоже молчали. Каждый думал о своем.

Картина маслом: офицер аналитического отдела, военный пенсионер, сотрудница Афганского ХАД и группа советского спецназа ГРУ объединенными усилиями просто пришли и раскатали в пустыне небольшой оппозиционный укрепрайон, поддерживаемый ЦРУ. Там же мы ликвидировали одного из старших офицеров ЦРУ, который находился там незаконно. Все наскоком, без приказа, по моей личной инициативе. И все это притом, что официально я находился в отпуске. Вроде ничего не упустил?

Ирония судьбы была еще и в том, что если бы все пошло наперекосяк, и мы провалились, никто не пришел бы к нам на помощь. Лена бы погибла, а дальше уже и нет смысла продолжать перечислять проблемы. Но раз уж мы победили, я надеялся, что и наказание будет не таким суровым, но разбирательства было не избежать. Слишком много следов мы оставили. А по советским меркам — это неприемлемо.

В Дамаск мы въехали глубокой ночью. Бронетранспортер, в который загрузилась вся наша команда, похожая на хорошо снаряженную группу призраков, прибывших прямо с линии фронта, не мог не привлечь внимания сирийских патрулей. Но Смирнов виртуозно провел нас через какие-то ему одному известные улочки к занимаемому ими советскому гарнизону, где нам и было велено ждать.

Разместились в обустроенной и довольно удобной казарме. Лену устроили в отдельной комнатухе, которую раньше занимал, судя по плакатам на стенах, какой-то прапорщик. Шут договорился, чтобы ее осмотрел врач. К счастью, все обошлось и проблем он не нашел. Я зашел к ней уже после того, как ушел врач. Зачем-то поправил ее одеяло. Она открыла глаза и повернулась ко мне.

— Максим? — шепотом спросила она. — Давай, поговорим?

— Конечно. Я думал, что ты уже спишь. Даже не представляю, что тебе довелось пережить, пока меня не было.

— Не страшно. Со мной обращались хорошо. Я только сильно испугалась, когда они вломились в наш дом.

— Кажется, я просил тебя на время моего отсутствия побыть у соседки, разве нет? — мягко поинтересовался я.

— Да, — тихо ответила Лена. — Но я просто не успела. Ты уехал, а они появились внезапно уже через минуту. Я подумала, что папа вернулся, а оказалось... Максим, этот американский офицер, кто он такой?

— Да мразь он, редкостная! — устало выдохнул я. Затем взвесив все за и против, продолжил: — Это давняя история, которая тянется уже не один месяц. Именно он виновен во многих бедах, что произошли за последние несколько лет. Война в Афганистане, попытка целенаправленного передела власти в СССР, предательство того самого Калугина, Пакистан и Сирия... Использование боевых отравляющих веществ... Это все его рук дело! И у него ко мне были личные счеты, потому что несколько раз мои и действия моей группы срывали ему крупные планы. Командировка в Португалию — это стало последней каплей, которая заставила его действовать не так, как обычно. Твое похищение — это бесчестный, низкий и крайний метод, чтобы выманить меня на чужую территорию. Ему нужна была личная беседа, он хотел сломать меня

морально. А поскольку прилететь в Союз он не мог, они разработали целую операцию. Но мы их переиграли. Солнце, прошу простить меня за то, что такая ситуация вообще возникла. Я искренне был уверен, что они тебя не тронут. Обещаю, подобное больше никогда не повторится. Главное для меня, это твоя безопасность. Твоя и будущего ребенка.

— Я понимаю. Мы говорили с отцом, он все объяснил. Но что теперь будет? Ты же нарушил множество правил...

— Ну, отругают немного, но ничего страшного! — улыбнулся я, приобняв ее. — Обещаю, теперь у нас все будет хорошо!

Она помедлила, затем согласно кивнула и опустила голову на подушку. Я поцеловал ее в висок и вышел.

Утро встретило меня не сухим жаром, а прохладой, затекающей в разбитое окно. Кто-то принес кофе. Я сидел на подоконнике, смотрел на серые стены и думал.

Часов в десять в казарму, прихрамывая, ворвался майор Игнатъев. Усталый, в помятой форме, но с горящими от волнения глазами.

— Так! — рявкнул он, но в голосе не было злости, скорее, осознанная обреченность. — Громов, за мной, остальные ждите здесь!

Я спрыгнул с подоконника, на ходу застегивая китель. Мы вышли во двор. Возле УАЗ-а стоял... генерал-майор Хорев.

— Товарищ генерал-майор... — начал было я, но он жестом остановил меня.

— Не здесь, Громов. Садись.

Мы сели в машину. Хорев — на переднее сиденье, я с Игнатьевым — сзади. Тишина в салоне была тяжелой, как бетонная плита.

— Ну, рассказывай, — наконец произнес Хорев, не оборачиваясь. — С самого начала. Как уехал из Москвы, зачем, и что творил потом. Это не потому, что мне интересно... А потому, что мой лучший сотрудник снова вмешался в очередную, теперь уже крайне серьезную ситуацию! Ты вообще понимаешь, что натворил?

— Да! — уверенно ответил я. — Но у меня не было другого выбора. И я под каждым словом подпишусь, что будь у меня выбор, я бы все повторил снова! Меня загнали в угол, едва не отобрали самое дорогое...

Хорев вздохнул. Он понял, что я имел в виду.

— Рассказывай, с самого начала! Чтобы тебе помочь, я должен знать все, во всех подробностях!

Я говорил. Долго. Подробно. Про письма, про угрозы матери, про невыполнимое задание с «Бастионом», про встречу на мельнице, про похищение Лены, про звонок и долгий путь к Абу-Танфу. Про Кикотю, который дал контакт, про Кэпа, про то, как мы через Астрахань, Ханкалу и Калиновскую попали в Сирию. Про встречу с Лейлой, про ее помощь с «Рейсом», про то, как Шут с ребятами без возражений откликнулись на мой зов. Про подвал, где прятал Лену. И про то, как ДШК превратил вертолет Вильямса в пылающий факел.

Хорев слушал молча, не перебивая. Только желваки на скулах ходили.

— Вильямс, значит, — проговорил он, когда я закончил. — Старший. Получается, за младшего брата мстил? Теперь понятно, откуда такой явный интерес к тебе. Знаю людей, которые на него досье собирали несколько лет. Это очень коварная сволочь, сидела где-то в Пентагоне и ее просто невозможно было достать. Аналитики считали, что рано или поздно он себя проявит. Но чтобы так...

Я ничего не ответил.

— Ты понимаешь, Громов, что ты натворил? Это не просто самодеятельность. Это, мать твою, локальный военный конфликт в стране, которая является нашим стратегическим союзником! С использованием государственного имущества, боевой группы и секретной разведы-

вательной техники! Без санкции командования! Ты хоть представляешь, что сейчас в Генштабе творится? А в КГБ?

— Я спасал свою семью, товарищ генерал, — ответил я, глядя ему прямо в глаза. — И защищал интересы Союза. Там было подразделение ЦРУ. Десять человек. Профессионалов, которые охотились за мной и готовили новые пакости на нашей территории.

— Знаю, — вдруг резко оборвал меня Хорев. — Знаю я, что там было. Потому и разговариваю с тобой сейчас здесь, а не в Лефортово.

Он повернулся, и я увидел в его взгляде странную смесь — гнева, усталости и, как ни странно, уважения.

— Сирийцы утром отправили вертолетную разведку в Абу-Танф. То, что они там увидели, повергло их в шок. Укрепрайон, который они не могли взять полгода, который спонсировался американцами, за одну ночь превратился в братскую могилу для боевиков. Тридцать семь трупов. Девять тел в американском камуфляже, со снаряжением. Плюс сбитый «Блэк Хоук» без опознавательных знаков. И тело самого полковника Вильямса, у которого на теле обнаружен пакет с совершенно секретными документами!

Я изменился в лице. Документы? Само собой осматривать его тело после того, как я прострелил ему башку, я не собирался. Даже мысли не было.

— В это сложно поверить, но сирийское военное командование в восторге. Они не знают, кто это сделал, но среди них ходят слухи, что за этим стояла советская разведка. Капитан Зухрейн, которого ты втянул в авантюру, уже дал показания своей контрразведке. Он подтвердил, что оказывал содействие советским специалистам в испытании беспилотного комплекса в полевых условиях.

Хорев усмехнулся.

— Молодец, капитан. Хитрый старый лис. Он выгородил и себя, и тебя. Сказал, что это была санкционированная операция ГРУ по проверке возможностей комплекса в условиях, приближенных к боевым. А то, что по окончании «испытаний» вы зачистили городок от боевиков — так это была, типа, внеплановая акция доброй воли.

— Так значит, мне ничего не будет? — не поверил я своим ушам.

— Будет, Громов, будет, — жестко ответил Игнатъев. — Обязательно будет. Разбор полетов еще тот предстоит. Но... есть нюанс.

Он переглянулся с Хоревым. Генерал кивнул.

— Те документы, что были на теле Вильямса... очень интересны. Их только начали анализировать, но уже... есть успехи. Еще там была карта.

— Какая карта?

— Не просто карта, Максим. Это схема дислокации наших новых ракетных дивизионов вдоль границы с Израилем. Те самые, что мы возводили в восемьдесят шестом и восемьдесят седьмом годах. С точками, с частотами, с кодами доступа к некоторым системам связи. Данные секретные, которые могли быть переданы только человеком из самого верха. Или группой лиц. Это не просто шпионаж, это подготовка к параличу нашего командования в случае начала конфликта. Вильямс, видимо, вез ее с собой, чтобы лично доложить кому-то наверху, или боялся доверить радиосвязи.

У меня перехватило дыхание. Вот это да.

— Вы думали, что это личная месть и это, действительно, выглядело именно так, — продолжил Хорев. — А это оказалась операция прикрытия. Вильямс хотел тебя убить, но это не все. Он не просто так покинул США, его второстепенная цель — дождаться здесь курьера, лично убедиться в их подлинности, а затем передать их на территорию Арабских Эмиратов. А ты со своей... стихийной операцией возмездия переломал им все, что только можно. Мало того что вы своими действиями ликвидировали целую оперативную группу ЦРУ. Впоследствии получилось так, что был перехвачен серьезный пакет документов. А это успех.

Наступила долгая пауза. Я переваривал услышанное.

— Так что, товарищ генерал, — осторожно спросил я, — Что меня ждет за такую дерзкую самодеятельность?

— Была бы моя воля, Максим, я бы тебе вторую Звезду Героя Советского Союза дал, — едва заметно усмехнулся Хорев. — Но я мало что решаю. В Генштабе есть люди куда выше и влиятельнее, чем я. Поэтому нет, награждения не будет. Завтра утром мы вылетаем в Москву. Там будет слушание. По моим данным, тебя хотели сначала размазать по стенке за самоуправство. Строгий выговор с занесением в личное дело — это был бы лучший исход.

И снова повисла напряженная пауза. Снаружи залетела муха.

— Но... — он мастерски выдержал паузу. — В совокупности, результаты... Отсутствие потерь и успех операции... а также карта, которую нашли благодаря твоим действиям, перевесила чашу весов. К тому же благодарные сирийцы направили ноту в наш МИД с просьбой поощрить тех, кто оказал им неоценимую помощь в борьбе с незаконными вооруженными формированиями. Ранее подобного не происходило. Конечно, будет черед разбирательств, будут наказанные...

Я молчал, боясь спугнуть призрачную удачу.

— Так что, Громов, считай, ты родился в рубашке. Снова, уже в который раз! Наказание, конечно, будет. Для порядка. Для отчетности. И чтобы заткнуть рты тем, кто готов тебя вышвырнуть из разведки и отправить куда-нибудь подальше, на Камчатку. Пока рано говорить, но со своей стороны я попробую сделать все, что можно!

Две недели в Москве пролетели как в тумане. Бесконечные допросы в ГРУ, беседы в КГБ, уточнения, перепроверки. Лену, конечно, тоже допрашивали, но мягко, спокойно.

Временно, само собой, по моей просьбе, ее положили в госпиталь. Врачи наблюдали за ней и малышом — к счастью, все было в порядке! Организм девушки оказался очень крепким, несмотря на пережитый стресс и неудобства.

Михаила Михайловича тоже допросили, но он никакого интереса не представлял и его отпустили. А потом и вовсе сказали, чтобы возвращался в свою станицу и занимался картошкой.

Выговор мне, действительно, объявили. Сухо, официально, за «превышение должностных полномочий и нарушение уставного порядка применения...»

Я выслушал, щелкнул каблуками. А на следующий день в приказе министра обороны стояло: «За мужество и героизм, проявленные при выполнении специального задания, и за добытые сведения государственной важности присвоить старшему лейтенанту Громову М.С. очередное воинское звание «капитан». Досрочно».

Погоны мне вручал сам Хорев, в своем кабинете. Разумеется, я знал почему. Так было нужно.

Зачем лишний раз афишировать то, что понравится не всем.

— Ну что же, четыре звездочки... носи, капитан! — сказал он, пожимая мне руку. — И постарайся впредь обходиться без таких радикальных методов. Хотя... признаюсь честно, проявленная тобой инициатива была на грани безумства и военной гениальности. В этот раз пронесло, сложно оспорить. В следующий раз даже не надейся. Лично с тебя три шкуры спущу!

Прошло чуть больше месяца. Я продолжал работать в том же отделе, занимался всякой мелкой ерундой. Теперь мне было легко — у меня не осталось врагов, которые желали бы моей смерти. Вернее, они-то, может, и остались, да только теперь это не имело никакого смысла. Громов — это всего лишь один человек. Неважно, какой. Со смертью старшего Вильямса, ЦРУ потеряло ко мне всякий интерес. Особенно после того, как в Генштабе выявили крота — тот самоликвидировался, выбросившись в окно с шестого этажа.

Шумная Москва мне не нравилась. Лена уже полностью оправилась от последствий. Теперь она ходила как медведица, слегка косолапила и смешно держалась за спину. Живот уже заметно округлился, но глаза сияли счастьем и спокойствием. Видно было, что она приложила усилия, чтобы все забыть. И это правильно — было и было. Что поделаешь?

В ГРУ то и дело происходили какие-то сдвиги. После истории с картой Вильямса и данными, которые мы добыли в Абу-Танфе, на самом верху приняли решение. Решение о создании нового, особого оперативно-аналитического органа. Структуры, которая будет заниматься исключительно активными мероприятиями по добыче и обработке информации такого уровня, какой нам случайно свалился в сирийской пустыне. Слишком много стало утечек, слишком нагло действовала иностранная разведка. Нужен был кулак. Мощный, крепкий, в духе сильной страны, которая крепла на мировой арене.

А вот американцы, после того, что произошло в Сирии... сделали вид, что ничего не произошло. Вообще. Людей из ЦРУ там не было, как не было и советской разведки. Все просто и понятно. Списали, проглотили. Чего тут решать?

Двадцатого июля Хорев вызвал меня к себе в кабинет.

— Заходи, капитан, — кивнул он на стул. — Нужно поговорить.

Я прикрыл дверь, прошел в кабинет и сел в кресло.

— Есть повод, — начал он без предисловий, — Перевести тебя из отдела Игнатьева. Там ты уже перерос свои задачи. Слишком громкие дела за тобой тянутся. И недоброжелатели готовы тебя сожрать! Но у них не получится. Зубы обломают. Твои враги — это люди в кабинетах. Люди, которые не очень любят, когда какой-то старлей... вернее, капитан, показывает результаты, которые сложно игнорировать...

— К чему вы клоните, товарищ генерал?

— К тому, что создается отдел «Спектр». Я бы даже сказал, что это вневедомственный отдел. Особый, пусть и совсем небольшой отдел под кураторством ГРУ. Задача сложная — координация действий всех разведгрупп специального назначения на территории противника и дружественных стран. Анализ, планирование, реализация сложных, многоходовых операций. Работа с агентурой глубокого залегания. Противодействие иностранным спецслужбам на опережение, — Хорев выдержал паузу. — И начальником этого отдела предлагают назначить тебя.

Я опешил. Это было выше всяких ожиданий.

— Меня? Товарищ генерал, блин... какой из меня начальник отдела? Я могу с автоматом бегать, а не папки переключать с места на место!

— А вот такой, — отрезал Хорев. — Который в одиночку, без приказа, пошел вызволять жену из логова ЦРУ и, походя, развалил их многолетнюю операцию. Который умеет мыслить нестандартно. Который знает, что такое война не по учебнику. Мнения разделились, скажу честно. Многие были против. Слишком молод, слишком горяч. Но твои результаты говорят сами за себя. И награды. И этот... нюх. К тому же нам нужен человек, которому можно доверять. Человек, у которого есть своя команда, проверенная в деле.

— Группа «Зет»?

— Именно. Ты их собирал, ты с ними прошел огонь и воду. Они за тобой пойдут куда угодно, даже в Абу-Танф, без всяких санкций. Значит, верят. А это дорогого стоит. Собирай своих людей. Шут, Док, Герц, Самарин, Смирнов — все, кого сочтешь нужным. Будете формировать костяк. Остальных подберете сами. Но... — Хорев поднял палец, — ты теперь не просто солдат, Громов. Ты офицер штаба. Аналитик. Организатор. Придется учиться. Много учиться. И думать, прежде чем стрелять. Лично я полностью согласен — ты лучший кандидат!

Я молчал, переваривая информацию. Мысли лихорадочно метались. Начальник отдела. Возможность собрать свою команду. Операции по противодействию иностранным разведкам.

— Задача на первое время, — Хорев протянул мне тонкую папку с грифом «Совершенно секретно». — Ознакомьтесь. Это данные по активности западных спецслужб в Польше. Там

назревает что-то серьезное. Они раскачивают лодку, используя националистические движения. Наша задача — не дать им опрокинуть ее.

Я взял папку. Бумага была прохладной на ощупь.

— Когда приступить?

— Хоть сейчас, — усмехнулся Хорев. — Иди, капитан. Времени у тебя — неделя, чтобы принять дела и представить мне план работы отдела на ближайший квартал. А потом — вылетаешь в Варшаву. Проверишь обстановку на месте.

Я вышел из кабинета, сжимая в руках папку, в которой, возможно, крылся новый этап военной службы. Не той, что с автоматом наперевес, а другой — тихой и невидимой.

Покинул «Сектор». Отправился домой.

Лена встретила меня на пороге квартиры. Взглянула на лицо, на папку в руках, из которой я больше половины материалов оставил на службе. Таскать «секреты» домой — запрещено!

— Что случилось, Максим? — спросила она, кладя руки мне на грудь. — Ты будто контуженный.

— Назначение, солнце, — ответил я, прижимая ее к себе. — Меня переводят. Новый отдел. Начальником.

Она отстранилась, заглянула в глаза. В них не было испуга. Только гордость. И легкая тень тревоги, которую она тут же спрятала.

— Это опасно?

— Нет, не думаю. Это совсем другой род службы!

Она довольно кивнула. Ее рука погладила меня по щеке.

— Ты справишься! — широко улыбнулась она. — Ты всегда справляешься, потому что ты — особенный!

Глава 4. Смена направления

Вашингтон. Лэнгли. Штаб-квартира ЦРУ.

Картер Брукс сидел в своем кабинете, уставившись пустым взглядом в окно. Погода сегодня была на редкость плохой, еще немного и хлынет дождь. В кабинете витал запах кофе и свежей выпечки, что совсем недавно принесла помощница.

На столе перед ним лежал тонкий, всего на три страницы, отчет. Гриф «Совершенно секретно». Копия, разумеется. Обычно такие уничтожают сразу после прочтения. Само собой, оригинал еще раньше ушел наверх, на стол к директору ЦРУ Уэбстеру, и, судя по той гробовой тишине, что воцарилась в коридорах здания, судьба этого документа была предreshена.

Операция «Возмездие» — именно так ее окрестил полковник Томас Вильямс в своих последних записях. Красивое, даже кричащее название для акта личной мести, под которую он подвел целую оперативную группу, ранее работавшую в Португалии. Это те самые сотрудники, что ликвидировали советскую диверсионную группу Воронина, готовящуюся к устранению генерала Калугина. Двенадцать человек. Все хорошие оперативники, работавшие не один год, однако они не были солдатами. Они не проходили службу в горячих точках, вроде Афганистана... А Аллен Шоу, первый помощник Брукса — толковый, исполнительный, но слишком доверчивый к авторитету старших офицер. Вильямс без согласования с Бруксом взял его с собой в Сирию, откуда не вернулся никто...

Чертов Вильямс... полковник ЦРУ. Ветеран, много лет проработал над идеей того, чтобы внести смуту в военное руководство Советского Союза и расшатать обстановку в стране. Частично приложил руку ещё и к тому, чтобы разжечь пламя Афганской войны, но в 1981 году перешёл в другой отдел. Это был жестокий, амбициозный и весьма расчетливый человек, который был во многих странах и повидал столько дерьма, что его сложно было чем-то удивить. И тем не менее, несмотря на свой богатый опыт и врожденную предусмотрительность, он все-таки позволил ненависти затмить свой разум, совершить наивные ошибки. Именно это и стало отправной точкой для провала.

Снова перечитав отчет, Картер вздохнул. Он понимал, что, скорее всего, ослепленный ранними неудачами и личной ненавистью к Громову, полковник Вильямс где-то просчитался и очевидно, совершил ту же ошибку, что и ранее его младший брат — он недооценил советского разведчика. Сильно недооценил, потому что с Громовым нельзя бодаться стандартными методами ввиду коварства или грубой силы. По итогу, он снова выскользнул из лап ЦРУ, да еще и с такими трагическими последствиями.

Брукс знал план Вильямса практически до мелочей. Но только на бумаге. Не исключено, что Томас снова внес изменения, которые оказались решающими и предопределили итог. Ну в самом деле, на что рассчитывал Томас, похищая беременную супругу Громова?

Однако в отчете, что лежал перед Картером, о Громове не было ни слова. Вообще. Кто и как ликвидировал группу — неясно. Что она там делала — тоже не совсем ясно. Есть момент, что Вильямс лично должен был встретить агента оппозиции, чтобы передать важные материалы и карты. Но, по-видимому, этого не произошло. Официально, группа пропала без вести где-то на границе с Ираком. А тела якобы нашли сирийские военные и были любезно готовы помочь с их транспортировкой обратно на территорию США.

Брукс снова и снова перечитывал сухие строчки оперативной сводки, составленной по фрагментам результатов работы группы, отправленной на зачистку Абу-Танфа уже после того, как там все стихло. Сирийцы, естественно, ничего не нашли. Вернее, нашли, но сделали вид, что все в порядке и быстренько замели следы, оперативно пригласив туда советских «советников» и представителей военной контрразведки.

Американская группа прибыла через сутки, когда, по сути, там уже почти ничего не осталось. Пустой, укрепленный заброшенный городок со следами недавнего боя. Двадцать семь трупов боевиков, которых наняли для массовки. Пятнадцать тел в американском камуфляже, без документов, без опознавательных знаков. Двенадцать оперативников, пилот вертолета, Аллен Шоу и Томас Вильямс. Искореженный остов «Блэк Хоука», врезавшегося в стену. Тело Томаса Вильямса с двумя пулями, одна из которых в голове. Очевидно, что это контрольный выстрел.

Профессионально. Хладнокровно. Решительно.

Брукс представил ситуацию, поморщился. Отодвинул отчет.

Разбирательства в верхушке были жесткими. Директор Уэбстер устроил тотальный разнос всем отделам сразу, в том числе и по работе на Ближнем Востоке. Оно и понятно — как же так вышло, что целое подразделение американских сотрудников действовало на свой страх и риск, руководствуясь личными мотивами одного из сотрудников? Ну, понятно — приказы полковника. Но где была служба безопасности? Как проморгали перемещения? Где те аналитики, которые должны были предвидеть такой поворот? Где, наконец, согласование с вышестоящим начальством?

Не было ничего! Будто Вильямс сам все организовал и оплатил все расходы, попутно лично выполняя дополнительное задание по передаче материалов, которое ещё только находилось в стадии разработки... Это его личное решение...

Брукс ничего не понимал!

Вопросы повисли в воздухе, ответов на них не было. Вернее, ответ все же был, но само собой он никого не устраивал: Вильямс использовал свое положение, свой авторитет и свои старые связи, чтобы повернуть эту авантюру. Он был убежден, что Громов — личная угроза, и что только так, через его жену, можно добраться до него. Он ошибся. И заплатил за это самую высокую цену.

Брукс заранее понимал, что все это ненадёжно, что авантюра полковника может закончиться как угодно, в том числе и неблагоприятно. И теперь, вероятно, директор ЦРУ Уэбстер примет единственно верное решение — замести все под ковер. Списать на «несчастный случай» или на «действия неустановленных лиц в зоне вооруженного конфликта». Официально предъявить Сирии или СССР просто нечего. Документов, подтверждающих присутствие в Абу-Танф ЦРУ, тоже не существует. Люди — наемники, чьи тела уже опознаны и отправлены домой в гробах с пометкой «погибли при исполнении служебных обязанностей в ходе выполнения секретной миссии». Семьям выплатят компенсации, и все забудут.

А Громов? Громов теперь фигура, оставшаяся за кадром. Слишком дорого он обошелся. Слишком много шума было поднято по нему. Вильямс-старший мертв, младший — тоже. Семьи Вильямсов, как и их интересов в этом деле больше нет. Громов исчез, по сути, теперь он никому особо и не нужен. Разумеется, Картер Брукс не хотел совершать ту же ошибку — начинать новую охоту на этого русского, которого вроде как даже представили к награде... по последним данным. Затевать что-то новое просто нет смысла! Слишком рискованно, слишком затратно. И главное — слишком непредсказуемо. В конце концов, это ведь не Громов шел наперерез Вильямсу, он просто оказывался там, где пересекались интересы двух крупнейших держав на планете. Афганистан, Пакистан, Сирия... Ну и Португалия тоже.

Брукс откинулся на спинку кресла, задумчиво посмотрел в потолок. В голове вдруг отчетливо прозвучала фраза, которую он хотел бы сказать этому Громову, если бы они когда-нибудь встретились. Фраза, полная усталости и странного, неосознанного и, возможно, нелогичного уважения.

— Ну что же, товарищ Громов, — тихо произнес он одними губами. — Спи спокойно. А дальше посмотрим...

Он взял отчет, затем по одному листу отправил его в бумагоуничтожитель. Аппарат загудел, затарахтел, кромсая бумагу на мелкие фрагменты. К чему держать у себя копию более никому не нужного отчёта?

Москва. Июль 1988 года. «Спектр».

Первые две недели после назначения пролетели в каком-то бешеном, изматывающем ритме.

Организация то буксовала на месте, то летела вперед со скоростью локомотива. Я пытался вникнуть в то, что от меня требуется, и иногда с ужасом понимал, что мои навыки «полевого работника» здесь, в штабной организационной рутине, работают процентов на двадцать.

Одно дело — планировать операцию на местности, имея карту, компас и группу проверенных ребят за спиной. Да, моя работа в «Секторе» — анализировать отдельные операции, ее итоги, подходы, материалы и различные сведения, конечно, давала свои плюсы, но итог-то все равно не совсем такой, как описывал Хорев.

Нам выделили сразу четыре кабинета на верхнем четвертом этаже, где только недавно закончили делать косметический ремонт. Внутри было все необходимое для работы, а чего не хватало — я распорядился перетащить из другого отдела, где ранее и занимался аналитикой. Узнав о моем назначении, Кэп поздравил с новой должностью и обещал помочь по любым вопросам, если они возникнут.

Главная проблема была в людях.

Да, генерал, как и обещал, приставил ко мне новых специалистов. Толковых и знающих свое дело.

Первым был подполковник Вячеслав Петрович Градов. Лет пятидесяти, сухой, подтянутый, и с лицом, уже изрезанным морщинами, и глазами человека, который за свою жизнь видел столько, что его уже ничем не проймешь. Он приехал из отдела внешней разведки, но, как он сам выразился, «в отставку не спешил, а тут предложили интересное дело». Знал я таких — без службы они себя не представляют. Уволь его, он уже через год превратится в дряхлого и никому не нужного старика с трясущимися руками.

— Значит, Громов, — задумчиво произнес он при первой встрече, окидывая меня цепким взглядом. — Такой молодой, а уже капитан, надо же. Ну, как бы там ни было, а я много о вас слышал. Легенда, можно сказать. Но геройства в штабной работе не бывает. Да оно там и не нужно. Нужен правильный подход, умение быстро ориентироваться в сложной обстановке и быстро принимать решения. Тут нужна голова. Холодная, расчетливая. И умение быстро, но спокойно работать с бумагами. Надеюсь, у вас это есть?

— Будем учиться, товарищ подполковник, — ответил я, пожимая его крепкую, сухую ладонь.

— Учиться — это хорошо. А учить — еще лучше. Я займусь аналитикой и документацией. Есть у меня пара толковых специалистов, с ними я готов работать. А вы — формируйте оперативную группу. Договаривайтесь.

Вторым был капитан Патанин. Константин Александрович. Из ГРУ. Ему предстояло заниматься оперативным планированием и взаимодействием с действующими разведгруппами. Он знал всех, кто работал в «поле», знал их слабые и сильные стороны, и мог дать дельный совет, как лучше использовать того или иного человека. Но главное, что он совершил около двух десятков рабочих командировок в ГДР, Польшу и Австрию, хорошо знал нюансы работы в этих странах. У него тоже были свои люди, которых он мог переманить к нам.

Прежде чем приступить к работе, я поговорил с каждым из них. Сразу стало понятно, что они не до конца понимают, зачем был создан этот отдел и чем конкретно он будет заниматься. Пришлось объяснять, разжевывая слова Хорева, которые, если уж быть откровенным, я тоже понимал не в полной мере.

Еще двое офицеров — оба старшие лейтенанты Белов и Карев прибыли в Москву прямо из Афганистана. Они плотно сотрудничали с ХАД, а также взаимодействовали со службой безопасности Пакистана, знали полную оперативную обстановку на всем Ближнем Востоке и имели массу контактов.

Чувствовалось, что генерал-майор Хорев и впрямь подошел к делу ответственно и выдернул ко мне именно тех людей, которые были замотивированы, талантливы и на хорошем счету.

Сбор группы «Зет» в Москве я организовал через неделю после назначения. Шут, Док, Герц, Смирнов, Бизон, Крот — все, кто был со мной в Сирии, прибыли без лишних вопросов. Дамирова, которого я считал потерявшимся в Таджикской ССР, разыскали через майора Игнатьева. Оказалось, он был в госпитале, потом проходил реабилитацию, и его уже готовили к отправке в другой отдел. Я выбил его для «Спектра». Самарин, который все еще восстанавливался после ранения, тоже дал согласие. Собиралась старая гвардия, к которой добавлялись новые люди.

Встречались мы в небольшом конференц-зале, который выделили для отдела. Я смотрел на знакомые лица — усталые, но живые — и чувствовал, как внутри разгорается то самое чувство, которое всегда появлялось перед серьезным делом. Чувство локтя.

— Ну что, мужики, — начал я, обводя взглядом сидящих за длинным столом парней. — Вы знаете, зачем я вас собрал. Мы теперь не просто группа «Зет». Мы — отдел «Спектр». Задачи у нас будут новые, совершенно не такие, как раньше. Тут не всегда получится пойти с автоматом наперевес. Тут придется думать, анализировать, планировать. Причем не только сидя в креслах, но и буквально на ходу, причем по всему миру. Да-да, именно так. Но суть останется прежней — раскусывать и бить врага там, где он нас совсем не ждет. Все это на серьезном уровне, фактически под крылом ГРУ. Ранее ничего подобного в Союзе не было и то, что мы будем делать — это совершенно иной подход к угрозам для страны!

— А враг кто теперь? — спросил Шут, почесывая затылок. — Все те же американцы?

— Те же, — кивнул я. — И не только они. В Европе, а сейчас в Польше, зреет что-то нехорошее. Националистические движения, которые раскачивают ситуацию. И за этим, как обычно, торчат уши западных спецслужб. Наша задача — не дать им опрокинуть лодку. Мы должны быть на шаг впереди.

Собрание наше длилось часов пять. Люди порядком устали, но мы решили многие моменты прямо так, по факту. И под конец уже была какая-то структура. Я ясно дал понять, что раз я начальник, то должен знать обо всем. От меня ничего скрывать не нужно. Я работаю так же, как и все, а соответственно, и все должны работать так же, как и я. С дисциплиной проблем не возникло. Несмотря на то, что капитан командовал подполковником, это вообще никого не волновало.

Следующие две недели мы работали как проклятые.

Градов учил меня и парней читать оперативные сводки, отделять зерна от плевел, видеть за сухими цифрами и фактами реальную картину происходящего. Патанин мотался по гарнизоном, договариваясь с командирами о взаимодействии. Использовал свои старые связи в КГБ и ГРУ, наработывал контакты с агентурой в Польше и ГДР. Белов и Карев переключились с Ближнего Востока на страны Варшавского договора, вникали в процесс и предлагали идеи.

Я же, помимо всего прочего, должен был утвердить структуру отдела. Хорев дал мне карт-бланш, но предупредил: «Смотри, Громов, если накосячишь, отвечать будешь по полной».

В итоге структура «Спектра» вырисовывалась следующая:

Я, капитан Громов Максим Сергеевич — начальник отдела. Общее руководство, координация, утверждение планов.

Подполковник Градов — заместитель по аналитике и информации. В его ведении — обработка всех поступающих данных, подготовка аналитических записок и прогнозов. Капитан Патанин — заместитель по оперативному планированию и взаимодействию с разведгруп-

пами. Курирует все «полевые» операции, а заодно и заместитель по работе с агентурой в странах Варшавского договора. Отвечает за связь с источниками, вербовку и внедрение.

Дальше шли оперативные группы. Группа «Зет» в полном составе. Они должны были выезжать на места, проводить сложные операции, а если потребуется — идти в «поля». В некотором роде, «Спектр» — это что-то среднее между американским ЦРУ и нашим КГБ. Я в шутку начал про себя называть отдел ЧВК.

Плюс, по задумке Хорева, в отдел должны были войти несколько штабных аналитиков, людей, которые не будут бегать с автоматами, но будут сидеть в кабинетах, перелопачивать тонны информации и выдавать готовые решения. Двоих таких мне уже подобрали — Белов и Карев. Еще один появился позднее — капитан Виталий Соболев, из ГРУ, специалист по экономической разведке. Второй — старший лейтенант Ольга Ветрова, из КГБ, лингвист-переводчик, владеющая пятью языками, включая польский и немецкий. Она должна была заниматься анализом открытых источников и прессы.

Это, конечно, не ЧВК в современном понимании, но что-то похожее. Автономная структура, способная быстро реагировать на угрозы, не дожидаясь долгих согласований наверху. Хорев, видимо, именно это и задумывал, а я предлагал ему гибкие решения по организации и он почти все их принимал без возражений.

Да, гипотетически структура частной военной кампании противоречила советской бюрократической модели, но в условиях нарастающей напряженности в Европе, когда враг действовал быстро и нагло, требовались новые адекватные меры.

Двадцатого августа, когда структура была более-менее утверждена, Хорев вызвал меня к себе.

— Ну что, орел, — сказал он, разворачивая передо мной карту Польши. — Время пришло. «Спектр» должен пройти боевое крещение.

Он ткнул пальцем в точку на карте, где был обозначен город Гданьск.

— Здесь, на судоверфи, назревает серьезный конфликт. Рабочие, подогреваемые агитаторами из «Солидарности», готовятся к забастовке. Местные власти в панике. Наши источники докладывают, что в город прибыли несколько западных «журналистов», которые на самом деле являются кадровыми сотрудниками ЦРУ и МИ-6. Их задача — спровоцировать кровопролитие, чтобы поднять волну возмущения на Западе и дискредитировать социалистическую Польшу.

— Что от нас требуется, товарищ генерал? — спросил я.

— Нужно внедриться. Понять, кто именно из этих «журналистов» работает на разведку, и нейтрализовать их. Но не физически, Громов, — предупредил он, видя мой взгляд. — Тут нужна тонкая работа. Дискредитировать, подставить, выставить в глазах поляков как провокаторов. Чтобы их же информационная война ударила по ним самим. Группу «Зет» используйте как прикрытие и как силу быстрого реагирования, если ситуация выйдет из-под контроля. А основную работу должны сделать наши новые аналитики.

— Понял, — кивнул я. — Когда вылет?

— Через два дня. Легенда классическая — вы группа советских инженеров-технологов, прибывших для изучения опыта польских судостроителей. Документы готовы. Возглавите группу вы, Громов. И прихватите с собой Ольгу Ветрову — она будет работать под видом переводчицы. Остальных распределите по своему усмотрению.

Я вышел из кабинета. В коридоре мне встретился Игнатъев.

— Ну что, Гром, — хлопнул он меня по плечу, — чувствуешь? Полагаю, ты получил первое задание? Только теперь не в пустыне, а в самом сердце Европы? Тут все сложнее. И опаснее.

— Знаю, Кэп, — ответил я, чувствуя, как привычное напряжение охватывает тело. — Но теперь у нас есть, кому думать. И есть, кому бить.

На следующий день мы с Ольгой и Патаниным сидели в моем кабинете, изучая материалы по Гданьску.

— Ситуация там, Громов, хреновая, — говорил он, водя пальцем по карте. — Местная милиция коррумпирована, многие работают на «Солидарность». Агенты, которые у нас были, либо перевербованы, либо просто боятся выходить на связь. Мы идем практически вслепую.

— А зачем тогда мы едем? — спросила Ольга. Голос у нее был спокойный, но глаза цепкие, внимательные. Она быстро вникала.

— Затем, — ответил я, — чтобы нащупать эту сеть. И перерезать ее.

Ольга кивнула, что-то помечая в блокноте.

В дверь постучали. Вошел Шут.

— Гром, там это... Дамиров приехал. Говорит, что восстановился и готов к работе.

— Пусть заходит, — сказал я.

В кабинет вошел Дамиров. Чуть осунувшийся, но с тем же веселым огоньком в глазах. Мы пожали друг другу руки.

— Ну что, командир, — улыбнулся он, сверкнув зубами, — говорят, у нас теперь не группа, а целый отдел? И начальник — капитан? Принимай пополнение!

— Принимаю, — улыбнулся я в ответ. — Работа есть. И серьезная.

Дамиров посерьезнел.

— Я всегда готов.

Я посмотрел на карту, на лица своих людей, на Ольгу, которая уже что-то быстро писала в блокноте, на Патанина, мрачно изучающего досье на польских активистов, на Шута, который нетерпеливо переминался с ноги на ногу.

Внутри разгорался холодный, расчетливый азарт. Новая война. Тихая, невидимая, но от этого не менее опасная. И в этой войне у меня теперь была не просто группа, а целый отдел. «Спектр».

— Значит так, — сказал я, чувствуя, как внутри закипает энергия. — Завтра вылет. Всем подготовиться. По легенде — мы технари. Шут, ты с Дамировым и Смирновым — группа прикрытия. Работаете как независимая группа, связь только по рации, на крайний случай. Остальные пока здесь, на подхвате.

— Принято, командир, — кивнул Шут и вышел.

Дамиров, коротко кивнув, последовал за ним.

— Товарищ капитан, — вдруг сказала Ольга, отрываясь от блокнота, — а что, если это ловушка?

Я посмотрел на нее. В ее глазах не было страха. Был холодный расчет. Мне это понравилось.

— Значит, будем играть в их игру, — ответил я. — И переигрывать. Я считаю, что у нас теперь есть для этого все возможности. — Будем учиться на ходу. Как всегда.

Этой ночью я долго не мог уснуть. Лежал на койке в общежитии, которую нам выделили, смотрел в темный потолок и думал о Лене. Она была уже на шестом месяце беременности. К счастью, все шло хорошо и не было поводов для беспокойства. И вот теперь я уезжаю в Польшу, в самое пекло информационной войны, и неизвестно, когда вернусь.

Вдруг резко зазвонил телефон, стоявший на тумбочке. Я взглянул на часы. Черт возьми, половина третьего ночи!

— Громов слушает, — сказал я, сняв трубку.

Голос Хорева был резким, почти незнакомым. Но в нем чувствовалось напряжение.

— Капитан, планы меняются. Вы никуда не летите. Появилась новая, куда более серьезная угроза... Имя Усама Бен Ладен тебе о чем-нибудь говорит?

Глава 5. Террор

В трубке повисла тяжелая пауза.

Несколько секунд я молчал, услышав не имя из прошлого. Вернее, из будущего. Из моего будущего прошлого.

Бен Ладен. В две тысячи двадцать четвертом году это имя знал каждый школьник. Все потому, что в двадцать первом веке терроризм имел место быть и его пытались сдерживать всеми силами. Молодое поколение было обязано знать и понимать, что такое терроризм и знать хотя бы некоторых его представителей. Усама бен Ладен — символ международного терроризма, человек, перевернувший представление о войне против мирного населения. Человек, который не гнушался убивать женщин, стариков или детей, прибегая к подлым и запрещенным методам, направленных на всеобщее устрашение.

Однако сейчас, летом восемьдесят восьмого года этот человек пока лишь один из многих полевых командиров, спонсируемых ЦРУ и пакистанской разведкой. Богатый саудовский принц, решивший поиграть в джихад. И у него уже есть масса последователей, которые, вероятно, после Афганистана не сидели сложа руки.

Получалось, что сейчас только я знал настоящую историю, кем он станет и чего достигнет своим безумием вершить тотальный джихад. Ту историю, в которой Бен Ладен стал тем самым монстром, которого американцы сами же и вырастили, причем на свои же деньги. Вооружили его, обучили, а потом получили башни-близнецы одиннадцатого сентября две тысячи первого года.

Только сейчас все было иначе. Робкая, но по-своему жуткая мысль вдруг пришла мне в голову.

Если подумать, я уже изменил ход афганской войны, итоги разительно отличаются от тех, что были в моей прошлой жизни. Мои действия, работа моей группы, ликвидация бывшего генерал-майора КГБ Калугина, срыв операций ЦРУ, смена руководства, укрепление позиции СССР на мировой арене — все это создало эдакий эффект бабочки. По сути — это цепная реакция, явление, когда одно предпринятое действие порождает линию других, которые в свою очередь тоже начинают менять реальность. Очевидно, что уже сейчас события медленно пошли по другому руслу, а ведь об этом никто и не догадывался. Да и кому догадываться? Для всех — это вполне нормальное развитие событий, а вот для таких, как я, как Савельев или Петров — все иначе. Та самая Аль-Каида, которая в моей прошлой жизни, кажется, официально оформилась лишь в августе тысяча девятьсот восемьдесят восьмого года, здесь появилась на восемь месяцев раньше — в декабре восемьдесят седьмого.

— Говорит, товарищ генерал, — наконец ответил я, чувствуя, как внутри нарастает холодная злость. — Один из богатых полевых командиров, кто напрямую поддерживал афганских моджахедов, пропагандируя вести джихад. Они потерпели поражение и покинули Пакистан, однако... Я так понимаю, вы меня не просто так об этом спрашиваете? Случилось что-то серьезное?

Генерал тяжело вздохнул.

— Случилось... в общем, опуская подробности и детали, три дня назад наша агентура в Пакистане перехватила сообщение, — голос Хорева звучал глухо, с металлическими нотками. — Мы не придали ему должного значения, поскольку подобное случалось уже не раз. Только на этот раз это оказалось серьезной ошибкой. Глупой и непростительной ошибкой.

— Что за сообщение?

— Шифровка от Бен Ладена своим людям на северо-западе Пакистана. Цитирую: «Два крыла дракона будут сломаны в одну ночь. Нефть и свет — его сила. Мы окажем влияние и на то, и на другое. Это будет мстью за потерянный Афганистан. Джихад объявлен советскому

народу». Наши аналитики решили, что это очередная бравада полевого командира, который не смог довести до конца то, что начал. Работа на публику, чтобы поднять боевой дух тех, кто последовал за ним. Да, подобное перехватывали и раньше, особенно в тот период, когда тобой был схвачен последний оппозиционный командир. Генерал Хасан. Мы считали, что у него нет ресурсов для крупных операций. Сегодня вечером в Каспийском море произошла серьезная катастрофа, созданная его руками. На его же деньги, его людьми.

Я похолодел. Три дня. У них было три дня, но ничего не было сделано?! А сколько еще таких сообщений осталось незамеченными? Сколько людей погибло из-за того, что кто-то в кабинетах решил, что «это неважно»?

— Что именно случилось на Каспии? — спросил я, уже представляя, какой может быть ответ. Бен Лаен террорист, не стоит ждать, что он вдруг решил провести водопровод в пустыню.

— Это не по телефону! — выдал Хорев. — Ты один из моих лучших сотрудников, поэтому обязан все знать. Сейчас я выдвигаюсь в «Сектор». Буду через пятнадцать минут, жди у кабинета.

— Принял! — ответил я и отключился. Глубоко задумался.

Значит, вот оно эхо войны?! Прямое следствие ее итогов?!

Тот факт, что СССР в тысяча девятьсот восемьдесят седьмом году победил в афганской войне, оказал серьезное влияние на дальнейшее развитие истории. Выходит, Бен Ладен не покинул Пакистан и не уехал в Саудовскую Аравию? Он остался там же, где и был ранее, продолжал наращивать силы и готовиться к чему-то серьезному. Скорее всего, теперь его цели изменились. Теперь он не собирался вести войну с «неверными» в Афганистане, теперь он нацелился на джихад ко всему советскому народу. Месть за проигранную войну.

Впрочем, пока еще рано делать такие выводы. Но мне отчего-то казалось, что это начало чего-то очень серьезного, к чему Советский Союз пока еще не готов.

Хорев прибыл точно по расписанию. Я встретил его в коридоре, почти у кабинета.

Пожали друг другу руки, вошли внутрь. Генерал не стал ходить вокруг да около — сразу перешел к самой сути.

— В общем, так... вчера, в двадцать ноль три и двадцать ноль семь по местному времени в Каспийском море были взорваны две крупнейшие платформы, — коротко ответил Хорев. — «Нефтяные Камни-7» и «Нефтяные Камни-16». Флагманы каспийской добычи. Горят до сих пор, по имеющейся у меня информации будут гореть еще не одни сутки. Предпринимаются все возможные меры, созвана правительственная комиссия. Его диверсанты морем добрались до платформ, сработали профессионально, с инженерной точностью. Заложили заряды в технические узлы, гарантирующие максимальный пожар. Затем спасательные команды обстреляли из стрелкового оружия — они оставались на платформах, чтобы никто не помешал горению. Большинство погибли в огне, но перед этим передали в эфир: «Аллах не с нефтью неверных. Он с огнем правды».

— У него солидное состояние, товарищ генерал, — сказал я. — Его семья в Саудовской Аравии — одна из богатейших. В его распоряжении миллионы, если не миллиарды. Правда, в какой валюте — не знаю. Он не просто полевой командир с амбициями, он спонсор. Он несет джихад. И если он решил объявить этот самый джихад советскому народу, то нужно полагать, что это не пустые слова. Особенно ввиду того, что удар он уже нанес. И это только первый шаг, бог его знает, куда он посмотрит в следующий раз. В общем, у него есть ресурсы, есть люди и есть подготовка. И самое главное — у него есть цель. Месть за Афганистан. За то, что мы не дали им победить. А ведь для них это реально было важно.

— Откуда ты столько знаешь? — резко спросил Хорев. — У нас на него досье скудное, аналитики только начинают собирать информацию.

— К сожалению, знаю, — спокойно ответил я. — Довелось узнать, пока был в пакистанском лагере Смерти. Джон Вильямс хвастался, что работает кем-то влиятельным из Аравии, рассказывал, кого они там готовят. Вероятно, это про него. И еще... мне кажется, что второе крыло — «свет» — это не просто метафора. У него есть конкретная цель. И нам нужно понять какая, именно, пока не поздно. И нет никакой гарантии, что на этом он остановится!

— Громов, в общем, так... — тихо сказал Хорев, постучав пальцами по столу. — Раз уж у тебя уже есть информация, твой «Спектр» этим и займется. Приказ я организую, все организационные вопросы возьму на себя. А по Польше — отбой. В складывающейся обстановке, это вовсе не приоритетная цель. Допустим, это направление возьмет на себя Игнатьев. По всей видимости, этот Бен Ладен второй удар нанесет скоро. Но где, когда и какими силами — информации нет. Твоя задача – выяснить все, что можно. И попытаться не допустить исполнения. Сейчас отправляйся к своим, собирай людей и через три часа вылетите на юг, на побережье Каспийского моря. Там получите все материалы, какие есть по Бен Ладену и его структуре. «Спектр» подключается к розыску в полном объеме. А пока... свободен!

Я покинул кабинет генерала. Спустился на первый этаж. Уже начали съезжаться сотрудники «Сектора», поднятые по тревоге.

Взглянул на часы — ну, замечательно. Почти пять утра.

Начинался новый день. День, когда вдруг стало ясно, что у СССР появился новый враг. Враг, которого мы долгое время не замечали и недооценивали. Враг, у которого есть деньги, связи, идеология и абсолютное презрение к нашей цивилизации. И, черт возьми — угроза серьезнейшая! Сколько Бен Ладена американцы гоняли? Сколько раз его пытались взять или ликвидировать? Он неуловим, попробуй разбери, где его искать, если практически ничего не известно!

В моей прошлой жизни он стал символом террора, человеком, бросившим вызов чуть ли не всем. А здесь он вдруг решил бить по нам. Потому что мы сломали его планы в Афганистане. В голове прокручивались варианты, возможные цели, вероятные сценарии. Нефть — это Каспий, Западная Сибирь, трубопроводы. Но что такое «свет»? Электростанции? Линии электропередач? Или что-то другое, более страшное?

Ответ пришел быстрее, чем мы думали.

27 июля 1988 года. Туркменская ССР.

Вагон-ресторан гудел негромкими голосами. Поезд мерно покачивался на стыках рельсов, за окнами тянулась бескрайняя пустыня. Люди в вагоне были особенные — не по форме, а по той внутренней энергии, которая исходила от каждого.

За столиком у окна сидели трое. Седой, с усталыми, но живыми глазами мужчина лет шестидесяти — академик Григорий Иванович Туманов, главный конструктор проекта, человек, который проектировал реакторы для атомных ледоколов, а теперь ехал строить мирный атом в Афганистан. Напротив него — двое молодых инженеров, его ученики, Сергей и Дмитрий.

— Григорий Иванович, — Сергей помешивал ложечкой остывший чай, — ну объясните вы нам, простым смертным, зачем нам этот Афганистан? Там же война была. И до сих пор в южных районах неспокойно. Зачем тащить атомную станцию в республику, где почти нет никакой промышленности?

Туманов усмехнулся в усы, отложил вилку.

— Затем, Сережа, что война рано или поздно заканчивается. А люди там остаются. Им нужна энергия, свет, тепло. Афганистан — страна древняя, но технологически ощутимо отсталая. Если мы придем туда с мирным атомом, с крупным проектом, который даст им электричество, воду, возможность развивать промышленность — мы закрепимся там навсегда. Не танками, не солдатами, а делом. Понимаешь?

— Понимаю, — кивнул Сергей. — Только американцам это вряд ли понравится.

— И что? Американцам многое не нравится, — хмыкнул Дмитрий. — С каких это пор это мы должны у них разрешения спрашивать? Они где-то за океаном, а Афганистан вот он, под боком! Эта страна хотя и дикая, но в ней скрыты огромные перспективы!

За соседним столиком оживленно спорили двое геологов — бородатые, обветренные, в свитерах грубой вязки. Они только что вернулись с разведки месторождений урана в горах Бадахшана и теперь делились впечатлениями.

— Там такие залежи, мужики! — говорил один, размахивая руками. — Мы три месяца по горам лазили, образцы собирали. Если станцию запустят, лет на сто вперед урана хватит. И не только для Афганистана — на весь регион!

— А дороги? — возражал второй. — Ты представляешь, как туда сложное крупногабаритное оборудование тащить? Там же перевалы, серпантины. Сегодня дорога есть, а через месяц ее песком замело.

— Дороги построим. Не в первый раз. А оборудование можно и воздухом доставлять. Как мы раньше туда танки и бронетранспортеры перевозили, а?

В углу вагона, за отдельным столиком, сидел пожилой мужчина в потертом пиджаке с орденскими планками. Он не участвовал в общих разговорах, только слушал и иногда покачивал головой, словно вспоминая что-то свое. Это был Илья Семенович Березкин, монтажник-высотник, человек, который монтировал реакторы на многих атомных станциях Союза — от Нововоронежской до Игналинской. Его уговорили поехать в последний момент — без такого опыта на высоте не обойтись.

— Илья Семенович, — к нему подседа молодая женщина в очках, технолог из Обнинска. — А вы, правда, на Игналинской работали?

Березкин кивнул, довольно улыбнувшись:

— Работал. Два года. Хорошая станция, надежная. РМБК-1500, между прочим, по мощности любой рекорд побьет. И ничего, стоит до сих пор, работает.

— И не боитесь? — тихо спросила женщина. — После того, что в Чернобыле едва успели предотвратить?

— А чего бояться? — удивился Березкин. — Мы ж не дураки, уроки извлекаем. Там, в восемьдесят шестом, система охлаждения чуть не подвела, так наши ребята в ручном режиме все отрегулировали, не допустили разноса реактора. С тех пор защиту втрое усилили. Так что нет, не боюсь. Афганцам тоже нужен свет. А мы свое дело знаем.

Поезд мерно стучал колесами, унося вперед, в темноту пустыни, тридцать семь человек. Тридцать семь судеб, вплетенных в историю советской атомной науки.

Поезд вышел на прямой участок пути. Машинист, пожилой туркмен по имени Аннаклыч, уже не первый раз вел составы через эти места. Он знал каждый километр, каждую стрелку, каждый мост. Виадук он любил — красивый, ажурный, перекинутый через древнее высохшее русло.

Аннаклыч глянул на приборы: давление в норме, температура в норме. За спиной, в вагонах, везут важных людей. Ему объяснили: ученые, атомщики. Для Афганистана станцию строить. Хорошее дело. Мирное.

Он не видел, как внизу, под мостом, в тени опор, зашевелились фигуры. Пятеро. Бородатые. В черных одеждах, с лицами, закрытыми платками. Они ждали здесь трое суток, прячась в расщелинах. Ждали именно этот поезд.

Двое саперов, обученных в пакистанской академии, проверили последний раз провода, ведущие к термитным зарядам. Обычный тротил они не использовали — слишком шумно, слишком заметно. Термит — другое дело. Украденный, по наводке сочувствующих, с туркменского горно-обогачительного комбината, он горел тихо, но жарко. Очень жарко. До двух с половиной тысяч градусов. Этого хватит, чтобы пережечь любой металл.

— Время, — тихо сказал Карим, старший группы.

Саперы нажали кнопки.

Внизу, у оснований двух центральных опор, вспыхнул яркий, слепящий свет. Термит начал свою работу. Металл, не выдерживая чудовищной температуры, начал течь, как воск.

Поезд уже въехал на мост. Аннаклыч почувствовал легкую вибрацию, но списал на стыки. Он не видел, как под ним опоры теряют прочность.

В первом вагоне Туманов все еще сидел с учениками. Они обсуждали систему охлаждения реактора, что будет задействована при проектировании афганской АЭС.

— Григорий Иванович, а если песок? — спрашивал Сергей. — В Афганистане же везде песок. Пыль. Она же забивает фильтры...

— Для того и разрабатываем специальные установки пылеулавливания, — терпеливо объяснял академик. — Как раз с учетом местных условий. Там, кстати, не везде песок. В горах — камень, гравий...

Во втором вагоне Березкин дремал, положив голову на рюкзак. Ему снился дом, внуки, баня по субботам. Снилось, как он сидит на лавочке у подъезда и греет старые кости на солнышке.

В третьем — геологи все еще спорили об урановых месторождениях.

Поезд был ровно на середине моста, когда опоры не выдержали.

Сначала раздался звук. Не взрыв, нет. Что-то среднее между скрежетом, хрустом и стоном сминающегося металла. Потом вагоны дернулись, будто кто-то схватил состав гигантской рукой и начал трясти.

Аннаклыч вцепился в рычаги, пытаясь понять, что происходит. Перед глазами поплыло — мост уходил куда-то вниз и влево, проваливался во тьму.

— Твою мать... — только и успел выдохнуть он.

Потом был провал. Время растянулось, как резина.

Туманов увидел, как стакан с чаем взлетает в воздух, как лица учеников искажаются ужасом, как свет в вагоне гаснет и за окном проносится чернота. Он не успел ничего сказать.

Березкин проснулся от чудовищного толчка и почувствовал, что падает. Рюкзак, на котором он спал, взмыл вверх, ударил его по лицу. Вокруг кричали люди.

Геологи, спорившие об уране, вдруг обнаружили себя летящими куда-то в темноту вместе со столиком, бутербродами и картами.

Удар. Земля оказалась жесткой. Очень жесткой.

Вагоны, похожие на гигантские консервные банки, смялись, разорвались, нанизались друг на друга. Металл скрежетал, ломался, складывался. А потом все окутала тишина...

28 июля 1988 года. Баку, СССР.

Я сидел в кабинете, изучая очередную сводку по перемещениям подозрительных лиц в акватории Каспийского моря, когда дверь распахнулась. На пороге стоял Патанин. Лицо бледное, глаза бешеные.

— Гром, — судорожно выдохнул он. — Железная дорога в Туркменской ССР. Крушение поезда. Специальный состав.

Я смотрел на него, но пока еще не понимал сути сказанного.

— Так... какой еще состав?

— Поезд номер АЭС-1 «Дружба». Из Челябинска-70 в Термез. Тридцать семь человек. Ведущие инженеры-атомщики, строители, проектировщики реакторов, геологи. Те, кто должен был строить афганскую АЭС.

Да, это был грандиозный проект. Подарок Советского Союза братскому народу ДРА — первая атомная электростанция, что уже начали строить тридцатью километрами восточнее Мазари-Шариф.

Я закрыл глаза. Свет. Атомный свет. Бен Ладен ударил не по электростанции, а по тем, кто ее создавал. Он нанес удар туда, куда мы вообще даже не думали смотреть. Генофонд, интеллект, будущее атомной промышленности.

— Как? — спросил я, открывая глаза.

— Диверсия. Термитные заряды. Опоры уничтожены. Поезд сошел с рельсов, обрушившись в ущелье! — Патанин помолчал. — Гром, там такие люди погибли. Из Обнинска, из Челябинска-70. Это же... инженеры, люди... Умы, которые строили наш ядерный щит.

Я встал из-за стола. Голова гудела, но мысль работала четко, холодно. Сразу стало понятно, чьих рук это дело. Бен Ладен знал. Знал маршрут, знал состав, знал ценность груза. Кто-то ему помогал. Кто-то из своих.

— Есть перехваты? — спросил я.

Вдруг зазвонил телефон. Я резко взял трубку.

— Слушаю, Громов!

— Максим, это Градов! У меня плохие новости...

— Да знаю уже, крушение поезда! — нетерпеливо выдохнул я.

— Какой поезд?! — чувствовалось, что подполковник с трудом сдерживает эмоции. — Из Ташкента только что сообщили — люди Бена Ладена захватили телецентр в Навои. Известные ведут трансляцию. Обращение на русском языке.

— Бл@ть! — выругался я, бросая трубку.

Я рванул к телевизору, что стоял в углу помещения. За три дня пребывания здесь, я его ни разу не включал. С тех пор, как я вновь оказался в восьмидесятых, я вообще практически не смотрю ничего, что передают в эфире.

На экране была пустая студия, плохое освещение и человек в военной форме без знаков различия, с черной бородой и холодными, немигающими глазами. Говорил он по-русски, с сильным акцентом, но четко и размеренно.

— Граждане Советского Союза, — монотонно произнес он. — Я говорю с вами от имени «Аль-Каиды» — Созданной нами организации, которая станет фундаментом вашего уничтожения. Меня зовут Усама Бен Ладен.

Все мои чувства словно притупились. Я смотрел на экран и чувствовал, как по спине бегут мурашки. Вот он. Человек, которого американцы создали своими руками. Человек, который теперь объявил джихад нам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.